Л. Макаревич,
эксперт Ассоциации российских банков

2000 ГОД: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЯЮТСЯ

Несмотря на появление в 1999-2000 гг. некоторых тенденций преодоления кризиса в российской экономике, важно не упускать из виду тот факт, что системный кризис далеко не преодолен. Он глубоко затронул важнейшие сферы российской экономики, его симптомы ощущаются до сих пор, а позитивные процессы неустойчивы и недостаточно масштабны. Все это означает, что сохраняется острая необходимость в активной политике оздоровления экономики.

СИТУАЦИЯ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ

Россия остается страной преимущественно малых кредитных организаций, составляющих 57,4% от общего числа. В некоторых районах совсем не стало банковских учреждений, включая филиалы Сбербанка. Зато в РФ расширилось присутствие КБ с иностранным участием (132), доля которых в совокупном уставном капитале выросла вдвое, с 6,4% до 14%.

В первом квартале 2000 г. количество действующих кредитных организаций уменьшилось с 1349 до 1338. Число коммерческих банков (КБ) с уставным капиталом (УК) до 500 тыс. руб. сократилось с 49 до 45, с УК от 500 тыс. до 2 млн руб. – со 116 до 108, с УК от 2 млн до 5 млн руб. – со 160 до 148, с УК от 5 млн до 10 млн руб. – с 270 до 253, с УК от 10 млн до 20 млн руб. – с 213 до 208. Всего прекратили существование 48 КБ. У двадцати из них были отозваны лицензии за нарушение законодательства и норм ЦБ, два – в связи с реорганизацией, один преобразован в филиал другого банка, два поглощены без образования филиалов. Общее количество последних по стране сократилось с 3923 до 3875, в т. ч. Сбербанк лишился двадцати. Медленно увеличивалось количество крупных по российским меркам банков: с УК от 20 млн до 40 млн руб. – с 246 до 256, с УК от 40 млн руб. и выше – с 295 до 320, т. е. всего на 35 больше.

Качественное улучшение российской банковской системы в начале 2000 г. замедлилось, а в ряде сфер деятельности наблюдалось ухудшение. В 1999 г. активы выросли более чем в полтора раза, с 1038 млрд руб. до 1583 млрд руб., а у региональных банков – в два раза. Но в реальном исчислении с учетом пятикратно обесценившегося рубля активы еще не

достигли докризисного объема (55,5 млрд долл. против 150-155 млрд долл. в 1997 г.).

Собственные средства КБ (без Сбербанка) составили 11,3 млрд руб. в номинальном выражении. Реально же сектор не восстановился до пре-дагустовского уровня (3,9 млрд долл. против 33-35 млрд долл. в 1997 г.). Капитал наращивали примерно тысяча кредитных организаций, но лишь у менее четырехсот этот рост опережал темпы инфляции.

В первом квартале 2000 г. в банковской системе сохранялись фактически все негативные тенденции, которые наблюдались до краха 1998 г. К ним добавилось немало новых. Рост собственных средств региональных КБ отставал от вложений в экономику, которые уменьшились до 3,5% ВВП против 15% ВВП в 1997 г. Отношение капитала к активам сократилось с 31% (лето 1998 г.) до менее 9%, если учитывать недосформированные резервы на возможные потери по ссудам и на обесценение ценных бумаг, активы в виде недвижимости, пакетов акций, паев. Аналогичный показатель у банков Москвы снизился примерно до 8%.

Большинство КБ по-прежнему не может, не хочет и не умеет кредитовать реальный сектор. Почти половина активов размещается внутри самой банковской системы, где оборачиваемость средств и надежность возврата ссуд гораздо выше, чем в материальном производстве. За год доля таких вложений подскочила с 30% до 46% (без учета Сбербанка). У столичных она составила 45,5%, у провинциальных – 46,5%. Из них остатки средств в кассе и на корсчетах в ЦБ составили около 10% (против 4% в США, например).

Кредитование небанковского сектора сворачивалось, как и в 1999 г. Его доля в активах региональных КБ снизилась с 45% до 32%, причем ссуды в СКВ уменьшились на 29%, рублевые выросли на 33%. В Москве соответственно – на 19% и 40%. Изменение валютной структуры кредитов вызвано девальвацией и скачком инфляции после августа 1998 г. Поскольку рубль пятикратно обесценился, предприятию нужно заработать в пять раз больше российских денег, чтобы вернуть ссуду в СКВ. С другой стороны, рублевые кредиты формально стали доступней, т. к. Неглиная увеличила эмиссию, чтобы скупать доллары и обслуживать внешние долги.

Полегчавший рубль, устойчивое недоверие к политике властей заставили банки уводить капиталы за границу. Так происходило и в 1999 г., когда доля иностранных активов почти удвоилась – с 10% до 19% у региональных КБ, а у московских составила 34%.

Все настойчивее звучат призывы расширить участие государства в банковской сфере в форме увеличения капиталов действующих КБ, создания специализированных инвестиционных институтов, предоставле-

ния гарантий, поощрения слияний (например, Внешэкономбанка и Росэксимбанка). Сами по себе эти меры мало что дадут, учитывая масштабы упадка промышленности и сельского хозяйства в постсоветские годы. Многие предприятия не могут вернуть кредиты из-за изношенности основных фондов, неплатежей, засилья бартера и денежных суррогатов, утраты рынков. Даже по заниженным оценкам объем пролонгированных ссуд в 7-8 раз превышает официальную «просрочку» (7,6%).

По состоянию на первый квартал 2000 г. все еще не восстановился в полной мере ни один из финансовых сегментов, на которых до августовского кризиса банки привыкли легко и помногу зарабатывать. Нет больше прежних рынков государственных и корпоративных бумаг, межбанковских кредитов, валюты. Последний жестко регулируется административными мерами ЦБ. Относительная стабильность рубля, низкие текущие темпы инфляции лишили банки возможности обогащаться на спекуляциях.

Частичной финансовой подпиткой стала переоценка валютных средств, хотя не в таких размерах, как в 1998 г. Тогда это принесло КБ чистый доход в объеме 2,4% активов и составило 49% дохода-нетто. Год спустя показатели снизились соответственно до 1,5% и 22% без учета Сбербанка.

Главным источником прибыли для кредитных организаций была разница в стоимости размещения и привлечения ресурсов. Средняя реальная доходность ссуд в рублях составила 15,5%, валютных (в рублевом эквиваленте) – 70%. Ресурсная база формировалась в основном благодаря депозитам юридических лиц, которые по объему на 80% превысили вклады населения. В 1999 г. каждый рубль, привлеченный от предприятий и организаций, обходился КБ в семь копеек (против 16 копеек до августа 1998 г.), из бюджета – десять копеек, от граждан – сорок две копейки.

Для частных лиц, однако, при объявленной средней ставке 40,5% годовых реальная доходность рублевых депозитов была минус 5%, валютных (при ставке 9,5%) – плюс 7,6%. Суммируя все процентные и не процентные поступления (от операций на фондовом рынке, переоценки валютных средств, комиссий, гарантий) общий чистый доход банков не превышал 6,6%. Причины: огромные отчисления в фонд обязательного резервирования, в резервы на возможные потери, высокая ставка рефинансирования и налог на прибыль 38% (против 30% для предприятий). Эти меры помогают стерилизовать избыточную ликвидность в результате рублевой накачки Центробанком экономики (тем самым снижая инфляцию), но одновременно уменьшают возможности банков зарабатывать прибыль.

Очень плохой симптом – снижение операционной маржи у большинства кредитных организаций. Если не брать в расчет нерегулярные доходы и расходы банков, то в 1999 г. маржа по текущим операциям была отрицательной (минус 1,5% совокупных активов), хотя общее сальдо оставалось положительным. Все операционные убытки банковской системы пришлось на двести КБ, у которых расходы в среднем на 23% превышали доходы. Около 90% последних получены с помощью переоценки валютных активов. Поскольку переоценивались и пассивы в СКВ, доход-нетто оказался отрицательным (минус 1,7% активов). По другим операциям траты двухсот банков опережали доходы на 16,6% суммарных активов. В итоге операционная маржа равнялась минус 18,3% активов. Совокупный капитал данной группы тоже был отрицательным.

Настоящую агонию, затянувшуюся почти на два года, переживают около 35 олигархических кредитных организаций, чьи активы были в пять раз больше, чем в среднем по банковскому сектору. В марте 2000 г. самыми убыточными стали СБС-Агро (потери 6,1 млрд руб.), «Российский кредит» (1,2 млрд руб.), Внешторгбанк (518 млн руб.), Банк Москвы (177 млн руб.), Росбанк (88,8 млн руб.), «Возрождение» (83,9 млн руб.), «Зенит» (69,4 млн руб.), «Золото-платина» (49,6 млн руб.), Московский индустриальный банк (46,8 млн руб.), Промрадтехбанк (43,6 млн руб.).

Среди кредитных организаций с наибольшим отрицательным капиталом в первом квартале лидировали СБС-Агро (минус 41 млрд руб.), «Российский кредит» (минус 9,8 млрд руб.), ОНЕКСИМбанк (минус 5 млрд руб.), Межкомбанк (минус 2,9 млрд руб.), КОПФ (минус 2,2 млрд руб.), Совфинтрейд (минус 1,5 млрд руб.), МАПО-банк (минус 1 млрд руб.), Внешэкономбанк (минус 750 млн руб. без учета долгов Парижскому клубу), Сберинвест (минус 262,5 млн руб.). Важно подчеркнуть, что не августовский кризис привел к таким результатам. Трудности этих КБ носят генетический характер, на который наложили отпечаток менталитет, этические нормы олигархов, мало изменившиеся после катастрофы 1998 г.

Примечательно, что до лета 1998 г. убыточными были преимущественно мелкие и микроскопические КБ, а самыми доходными – тяжеловесы. В 2000 г. ситуация поменялась на прямо противоположную. Наибольшую рентабельность показали малые кредитные организации, не вошедшие в число первых двухсот по размеру активов. Провинциальные банки работали чуть эффективней (соотношение прибыль/активы составило у них 2,4%), чем московские (минус 1,9%). В регионах КБ ближе к реальному производству, не столь обременены долгами, особенно перед нерезидентами, как крупные.

Среди легковесов много банков с положительной операционной маржой, а их результаты меньше зависят от переоценки валютных средств. Процентные доходы таких КБ достигали 20% от совокупных против 6,4% у кредитных организаций с отрицательной маржой по текущим операциям и держащихся на плаву лишь благодаря переоценке ресурсов в СКВ.

Возможность нового (четвертого по счету) системного кризиса банковской сферы остается исключительно высокой. Восстановившись за счет средств предприятий, кредитные организации в 2000 г. полностью исчерпали данный источник роста, не создав других. В активах слишком велика доля просроченных кредитов, замаскированных под пролонгированные, которые заемщики рефинансируют с помощью новых ссуд (кредитные пирамиды). В пассивах приток вкладов пока значительно превышает отток средств в виде процентных выплат по депозитам. Для привлечения дополнительных ресурсов КБ (особенно Сбербанк) поддерживают повышенные ставки по вкладам, строят депозитные пирамиды, то есть отвечают по обязательствам перед одними вкладчиками за счет денег других.

Устойчивость пирамид зависит от качества кредитного портфеля. Он должен гарантировать такой доход, которого хватит для платежей по вкладам, если приток средств замедлится, а также компенсирует невозвраты ссуд. Развернувшаяся в 2000 г. война за очередной передел собственности и финансовых потоков в газовой, нефтяной, металлургической, нефтехимической, телекоммуникационной, военно-промышленной, лесной, деревообрабатывающей отраслях, высокие мировые цены на энергоносители и сырье еще приносят банкам необходимые ресурсы. Когда дефляция закончится, а нефть и металлы подешевеют, при сохранении нынешней ситуации новый банковский коллапс неизбежен.

Действия ЦБ по преодолению последствий августовского банковского кризиса ограничиваются лишь отдельными стабилизационными шагами. Реструктуризация и санация проводятся крайне медленно и непоследовательно. Рекапитализация почти полностью возложена на сами банки. В целом власти пытаются спасти только единичные кредитные институты.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОЗИЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА

Ассоциация российских банков (АРБ) убеждена в необходимости серьезной корректировки денежно-кредитной политики Неглинной. Основной целью должно стать укрепление банковской системы, расширение ее кредитной активности. Для этого нужно восстановить и расширить рефинансирование Банком России кредитных организаций, улучшить экономическую поддержку ими реального сектора. Серьезной по-

мехой остается запрет со стороны ЦБ предоставлять целевые ссуды предприятиям непосредственно со ссудных счетов на оплату материальных ценностей и услуг. Банки и товаропроизводители лишены права самостоятельно решать вопрос, как использовать кредиты для неотложных и высокоэффективных проектов.

Разделяя мнение Виктора Геращенко о том, что главной задачей ЦБ является не изъятие временно свободных средств банков, а их использование в материальном производстве, АРБ подчеркивает: слова руководителя Банка России расходятся с делами Неглинной, повысившей отчисления в фонд обязательного резервирования (ФОР).

АРБ против финансирования капитальных вложений из государственного бюджета через казначейство, которое не располагает необходимой сетью учреждений и персоналом, чтобы контролировать расходование средств по целевому назначению, соблюдение режима экономии, освоение средств в ходе строительства. Целесообразней, считают члены Ассоциации, поручить финансирование инвестиций коммерческим банкам, утвердить вместо Временного положения о финансировании строительства Правила финансирования капитальных вложений. Кредитные организации могли бы взяться за это по поручению казначейства.

Банк России заявляет о необходимости переориентировать денежные потоки на кредитование товаропроизводителей. Но в своей денежно-кредитной политике предусматривает лишь регулирование макроэкономических процессов через управление монетарной массой, чтобы не допустить роста инфляции. Об активизации ссудной и процентной политики Неглинная ничего не говорит. Поэтому меры ЦБ направлены не на стимулирование поддержки банками реального сектора, а на откачку из обращения излишней ликвидности административным способом, чтобы сократить спрос на валюту.

АРБ настаивает на расширении рефинансирования кредитных организаций, чтобы они увеличили оборотные средства предприятий. Касаясь предлагаемых ЦБ схем рефинансирования банков с использованием долговых обязательств финансово устойчивых производств в качестве гарантийных инструментов, Ассоциация отмечает, что подобная схема слишком сложна и недоступна для многих кредитных организаций. Как предполагают последние, вероятно ЦБ пытается таким образом переложить на них риски программы, которую он подготовил.

Более актуальной АРБ считает систему кредитования материального производства и рефинансирования банков с участием ЦБ через мониторинг финансового положения ссудозаемщиков. Пока КБ не располагают долгосрочными ресурсами, поэтому для длинных инвестиций требуется создать специальные институты, способные финансировать капи-

тальные вложения. Однако ЦБ, Минфин, Минэкономики самоустранились от данной проблемы.

Наболевшим остается вопрос о снижении просроченной задолженности комбанков, которые еще не вышли из кризиса. Международный опыт показывает, что в программы реструктуризации банков обязательно входят выкуп их низколиквидных активов государственными органами, чтобы снизить резервы КБ по ссудам, улучшить ликвидность, а для рекапитализации банков осуществляется покупка их обязательств государством, которые затем обмениваются на доли в акционерном капитале. К сожалению, эти формы поддержки КБ в России не применяются.

Особое недовольство вызывает механизм обязательного резервирования привлекаемых ресурсов. Ассоциация убеждена, что изъятие средств в ФОР должно быть более гибким и не подрывать ликвидность банков, не лишать их возможности финансировать экономику. В данной сфере ЦБ должен действовать в соответствии с международной практикой. Например, большинство центральных банков в экономически развитых странах считают данный метод вообще устаревшим, малоэффективным. Он носит административно-фискальный характер, который увеличивает издержки КБ, поэтому АРБ призывает Неглинную отказаться от него либо свести к минимуму.

Ассоциации непонятно, почему Неглинная в своих нормативных указаниях не ориентируется на методологию Европейского Центробанка (ЕЦБ), как это делается при применении рекомендаций Базельского комитета. Скажем, размер нормативов ФОР Банка России в пять раз больше, чем требует ЕЦБ. Разве российские кредитные организации более мощные?

Неглинная все время увеличивает отчисления в ФОР, поспешно, даже за прошедший период. А Европейский Центробанк использует запаздывающий метод формирования резервов с лагом в два месяца и не изымает у кредитных организаций средства, как поступает ЦБ, оставляя их в обороте банков. Причем проверка выполнения КБ резервных требований осуществляется в Европейском союзе исключительно на основании данных общей статистики без сбора специализированных форм отчетности.

Неоднократные обращения АРБ и банков об изменении порядка изъятия средств в ФОР отклоняются сводным экономическим департаментом ЦБ с порога, даже с раздражением. Ассоциация считает, что этот важный инструмент денежно-кредитной политики используется в одностороннем порядке – в интересах Банка России. В условиях тотальных неплатежей предприятий и КБ вряд ли есть основания говорить об излишней ликвидности кредитных организаций. По сути ее создает сам ЦБ, производя крупные рублевые эмиссии. Вместо того, чтобы стимулировать направле-

ние средств в экономику, Неглинная конфисковала в январе 2000 г. крупную сумму с корсчетов банков, увеличив отчисления в ФОР.

Для совершенствования механизма обязательного резервирования Ассоциация предлагает ЦБ не вносить изменения в соответствующее Положение № 37, а совсем отменить его в нынешнем виде, как не отвечающее европейским стандартам, и подготовить новый документ по согласованию с банковским сообществом. АРБ рекомендует банкам создавать солидные резервы, чтобы предотвратить потери от рисков, но с учетом возможностей КБ, значительно ослабленных после августовского кризиса. Неглинная, принимая во внимание предложения банковского "комьюнити", согласилась не применять санкции к КБ в 2000 г., если величина создаваемого резерва меньше 100%, но превышает 75% от его расчетной величины. Однако и такой размер банкам обеспечить трудно, тем более, что до сих пор не решен вопрос об исключении суммы резервов из налогооблагаемой базы.

Во почему Ассоциация отказывается поддерживать намечаемое ЦБ дополнительное расширение резервов на возможные потери на основе общей оценки уровня риска, т. к. это увеличит издержки банков, усилит произвол со стороны надзорных работников. В проекте Положения предусматривается введение четырех новых видов резервов: вложения в долговые обязательства РФ; в ценные бумаги, приобретенные по операциям РЕПО; средства, размещенные на корсчетах в других КБ; срочные сделки.

Российская банковская система, подчеркивает АРБ, остается пока маломощной, поэтому для нее непосильны нормативы по минимизации рисков, которые уже применяются. И предлагает: сделать анализ более основательным, отсрочить новацию до 2001 г., поскольку дополнительные расходы по созданию резервов сократят рентабельность и увеличат убытки. Банки должны иметь возможность выбирать, каким способом обеспечить выданную ссуду с учетом финансового положения заемщика.

Недовольство вызывает система надзора ЦБ, которая рассчитана на единые экономические нормативы для всех типов кредитных организаций и территорий. В Москве, Заполярье, на Камчатке, в Сибири и Питере действуют одинаковые требования для банков с капиталом свыше 100 млн руб. и небольших КБ с капиталом полмиллиона рублей. Устойчивость кредитной организации определяется простой арифметикой, чисто формально. Работа надзорных органов сводится к механическому штрафованию, без анализа причин невыполнения нормативов, качества менеджмента, ошибок в управлении активами и пассивами. Изданием документов по надзору и регистрации деятельности банков занимается аж 15 департаментов ЦБ, действия которых никак не скоординированы.

В 1999 г. и в первом квартале 2000 г. Центробанк направил более 280 регулирующих указаний и 420 писем. Многие из них сырые, низкого качества, не вносят существенных изменений, а сводятся лишь к замене отдельных слов и фраз. Бывали случаи, когда появлялось сразу два документа в один день по одному и тому же вопросу. Так, в указание о составлении отчетности внесено двадцать изменений, в инструкцию о лимитах открытой валютной позиции – четырнадцать. В показатели и объем отчетности постоянно вносятся коррективы задним числом, причем они настолько громоздки, что не могут использоваться надзорными органами. Публичная отчетность от этого не стала прозрачней, чтобы можно было судить об истинном финансовом положении банка.

Обобщая замечания своих членов, АРБ вносит предложения в Банк России. Некоторые вопросы удастся решить, большинство же предложений по совершенствованию надзора отвергается. Одной из причин подобной реакции является порядок рассмотрения жалоб на Неглинной: соответствующие поручения даются именно тем подразделениям ЦБ, которые готовили спорные документы, поэтому инициативы Ассоциации просто отклоняются. Межведомственный координационный комитет содействия развитию банковского дела в России не работает. Назрела необходимость, подчеркивают в АРБ, повысить значение Национального банковского совета, внести серьезные изменения в закон “О Центральном банке Российской Федерации”.

В особенно трудное положение политика властей ставит региональные банки. В 1999 г. их число сократилось с 784 до 730 и продолжает убывать в 2000 г. В то же время из 300 крупнейших российских КБ 105 были провинциальными. На них приходилось 15% кредитов экономике (свыше 70 млрд руб.). С августа 1998 г. объем кредитования увеличился на 55%, но в реальном выражении уменьшился, поскольку темпы инфляции превысили 100%.

Подобно столичным банкам, “провинциалы” держат на счетах большие остатки свободных средств. Объясняется это не столько желанием в любую минуту быть готовыми к паническому нашествию вкладчиков и необходимостью обеспечивать текущие расчеты, сколько отсутствием надежных заемщиков. Вместо поиска возможности заработать, создать рынок для клиента и для себя, многие КБ предпочитают омертвлять активы.

НЕТ СПРОСА НА КРЕДИТЫ

Более половины российских предприятий вообще не пользуются банковскими ссудами. Одни – из-за дороговизны кредитов, потери рынков, которые они не могут вернуть, т. к. изношено оборудование, плохой

менеджмент. Другие обходятся без заемных средств, финансируясь с помощью бартера, денежных суррогатов, взаимозачетов, “инвестиций издержек” (т. е. расходования амортизации, неплатежей работникам, партнерам, бюджетам). Третьи, особенно экспортеры, имеют собственные крупные резервы в виде уведенной за рубеж валютной прибыли.

В России сложилась парадоксальная ситуация, когда именно те предприятия, которые не прибегают к кредитам, лучше реализуют продукцию, обеспечивают занятость, портфель заказов, капвложения, внедрение инноваций, сохраняют финансовую стабильность. В основном это ТЭК, черная и цветная металлургия. Ссудами пользуются преимущественно компании в машиностроительной, легкой, пищевой отраслях, не имеющие оборотных средств, ресурсов для выживания и эффективной работы. В отличие от других стран наши банки перераспределяют деньги не от слабых производств к сильным, а от конкурентоспособных к депрессивным.

Большую проблему создают около 100 кредитных организаций, имеющих отрицательный капитал. Другими словами, они не только продают собственные средства, но и разворовывают деньги вкладчиков, клиентов, кредиторов при полной безнаказанности со стороны Неглиной. Фактически похоронена объявленная в октябре 1998 г. программа реформирования банковской системы. Тем, кто реально определяет стратегию Кремля и Белого дома, не нужны планы и концепции, твердые правила игры, т. к. они связывают власть, не дают вмешиваться в бизнес, делить собственность, ограничивают свободу приближать одни КБ и отдалять другие, когда это выгодно тем или иным группам влияния.

Рассмотрение в Думе поправок к действующим законам и новых законопроектов о банках и банковской деятельности сознательно затягивается. Дебаты идут ни шатко ни валко, без целостного подхода к развитию кредитно-инвестиционной сферы, без учета прошедших кризисов. Вместо создания многоукладной банковской структуры консервируется прежняя олигополия. Рынок финансовых ресурсов и услуг жестко поделен между четырьмя группами кредитных организаций. В первую входят КБ с госучастием и сильной поддержкой со стороны ЦБ. Вторая состоит из старых и новых системообразующих банков. Они не являются государственными, но их деятельность связана с федеральной властью, “семьей” (которая все еще очень влиятельна), зависит от доступа к бюджетным средствам. Третья группа представлена “отраслевиками” – нефтяными, газовыми, металлургическими, атомными, лесными, телекоммуникационными КБ. К ним примыкает множество карманных кредитных учреждений, сосредоточенных в Москве. Четвертая объединяет банки с участием иностранного капитала.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ МНОГОУКЛАДНОСТЬ

Всем им противостоят региональные КБ, по сути запертые в местных рынках. Провинциальные банки по-прежнему маломощны, у них нет такого ресурсного обеспечения, какое имеют первые четыре категории. Как и до августовского кризиса, 80% финансовых средств сконцентрировано в столичных кредитных институтах. Подобный “флюс” создает серьезные системные риски для всей российской экономики.

В России игнорируется опыт стран Западной Европы, Соединенных Штатов, Японии, государств с переходной экономикой, добившихся в последние десятилетия устойчивого хозяйственного роста, где многоукладность служит одним из антикризисных механизмов, обеспечивающих более равномерное насыщение банковскими услугами отраслей и территорий. Напротив, олигополия, что подтверждает и российская практика, мешает развиваться всем сегментам финансовой сферы – государственному кредиту, отраслевому, муниципальным и специализированным банкам, малым и средним КБ, кредитным союзам, кооперативам, ссудосберегательным кассам.

В постсоветской экономике не создано условий для равноправной конкуренции, которая у нас приобретает самые дикие, нерегулируемые формы. Закон “О защите конкуренции на финансовых рынках” не работает, поскольку касается рынка услуг. В нем ничего не говорится о главной для банков области соперничества – за источники ресурсов. У кого наиболее длинные пассивы, тот и побеждает конкурентов.

Государство остается главным держателем средств, из которых формируется бюджет. Региональные банки давно добиваются, чтобы казна предоставляла им деньги в обмен на долгосрочные обязательства по поддержке и развитию конкретных федеральных программ в рамках структурной, инвестиционной, социальной политики правительства. Как вариант, предлагается создать сеть специализированных госбанков по обслуживанию федерального долга, капвложениям в АПК, в индустриальной и строительной отраслях. К сожалению, в прошлом подобные кредитные организации быстро превращались в кормушки для “своих”, высасывающих казну.

Цивилизованный рынок предполагает соблюдение всеми четких общих правил, быстрое и эффективное наказание за их нарушение, исключение двойных стандартов, законодательное пресечение неформальных связей между руководителями КБ и чиновниками. Можно ли считать конкуренцию равноправной, когда министр, руководящий отраслью, накачивает свой карманный банк за счет подведомственных ему го-

сударственных и смешанных предприятий. В России пока нет закона, препятствующего этой широко распространенной практике.

Экономический потенциал многих субъектов РФ значительно превосходит объем капитала, циркулирующего в них. Например, в промышленно развитых Тюменской, Самарской, Челябинской областях, Красноярском крае банки обслуживают не более 30-40% финансовых потоков предприятий. Остальное откачивают столичные кредитные организации. Это объясняется особенностями местной приватизации, когда реальными хозяевами большинства крупных и успешно работающих промышленных производств стали управляющие компании с головными офисами в Москве. Практически любой солидный бизнес поставлен в полную зависимость от официальных и закулисных отношений с федеральной властью. Именно поэтому основной менеджмент и финансовые операции переводятся в Центр.

В одних субъектах Федерации надеются, что Кремль, правительство и ЦБ помогут обеспечить адекватный экономике данных регионов финансовый потенциал, снизить системные риски в банковской сфере за счет территориального их рассредоточения, что облегчит выполнение обязательств федеральными властями и местным населением. В других полагаются только на самих себя и ведут целенаправленную работу по укреплению кредитных организаций. Например, экономический совет при губернаторе Свердловской области одобрил концепцию развития своей банковской системы, и на ее основе готовятся специальные программы с участием исполнительных органов.

Региональные КБ боятся банков с участием зарубежного капитала и не верят, что расширение допуска иностранных кредитных институтов на российский рынок простимулирует конкуренцию и, соответственно, ускорит развитие всего банковского сектора. В провинции считают, что соревнование на равных невозможно, поскольку соперничают не конкретные КБ, а стабильность и устойчивость той или иной западной страны с российской нестабильностью и непредсказуемостью.

НЕРАБОТАЮЩИЕ ЗАКОНЫ

Консультируя руководителей региональных КБ мне не раз приходилось слышать жалобы на то, что Белый дом и Неглинная демонстративно самоустранились от наращивания капитализации провинциальных банков. Много претензий накопилось к АРКО (хотя признается ограниченность его возможностей), к закону "О реструктуризации кредитных организаций".

Предлагаемые Центробанком механизмы концентрации капиталов, их укрупнения, слияния не привлекают региональные КБ. Они считают,

что процедура слишком сложна, юридически плохо обеспечена (есть соответствующие инструкции, но нет полновесных законов). Объединять ресурсы провинциальные кредитные организации предпочитают простым присоединением. Это намного быстрее и здесь уже накоплен практический опыт. Иные формы консолидации используются крайне осторожно, через определенную дорожку шагов: взаимодействие на договорной основе, постепенное объединение операций и услуг, создание банковских групп и холдингов. Причем на каждом этапе сохраняется возможность выхода из союза.

Банки хотят кредитовать реальный сектор, однако до сих пор не могут решить две проблемы: краткосрочность ресурсной базы и свою правовую незащищенность в отношении с заемщиком. При невозврате ссуд государство, действующая система судопроизводства, законодательство провинциальным КБ – не помощники. По установленному порядку при недостаточности средств на расчетных счетах предприятий погашение кредитов банкам производится в последнюю очередь. А ведь эти деньги принадлежат не КБ, а их вкладчикам и клиентам.

Процедура регистрации залога невероятно громоздка и неработоспособна. Оформление банком прав собственности на заложенное имущество при активном сопротивлении этому со стороны заемщика может растянуться на годы. Еще хуже обстоит дело с рассмотрением требований кредитной организации в арбитражных судах, в исполнительном производстве. Любое затягивание сроков означает не просто простаивание средств, а прямой убыток для КБ, т. к. им все равно приходится платить.

Что касается сроков удлинения пассивов, добиться этого реально лишь в неблизкой перспективе, когда экономика в целом обретет устойчивый рост, повысится доверие к российским кредитным организациям, появится надежная система гарантирования вкладов, когда, наконец, восстановится нормальное денежное обращение. Пока сохраняются платежные суррогаты, бартер, неплатежи, КБ не могут выполнять свои основные функции – расчетную, кредитную, инвестиционную.

В России не созрели предпосылки для долгосрочных накоплений. Ни один банк не пойдет на риски длительных капвложений без государственных гарантий. Синдикация кредитных ресурсов с соответствующим распределением рисков не получила широкого распространения из-за плохой законодательной базы. Поэтому большинство региональных банков сокращает кредитование, укорачивает активы, размещая их на финансовых рынках, в торговле (главным образом розничной), в экспортно-импортных операциях.

Совершенствование банковского права далеко отстает от потребностей кредитных институтов. Огромные масштабы приобрело ведомст-

венное нормотворчество. Многие важнейшие вопросы не решены законодательно, а переданы министерствам и другим инстанциям. Отсутствие необходимого юридического фундамента остается одним из основных тормозов в развитии российской банковской системы.

МИРАЖИ НЕФТЯНОГО ЭЛЬДОРАДО

Системный кризис в 2000 г. продолжает ощущаться и в других секторах экономики. Особенно опасная ситуация сложилась в нефтяной и электроэнергетической отраслях.

Правительство утверждает, что решение стран-членов ОПЕК об увеличении добычи нефти и начавшееся в связи с этим снижение цен на нефть не повлияет на ситуацию в российской экономике. Бюджет-2000 верстался из расчета 18-19 долл./барр. Аналогично поступили многие нефтяные компании, заложившись на 16-18 долл./барр. По их ожиданиям, при цене 20 долл./барр. рентабельность сохранится на уровне 24%, а у "Сургутнефтегаза" – 35%. У отдельных производителей бизнес останется прибыльным при 8-10 долл./барр.

В первом квартале по сообщению главы Минтопэнерго правительство имело резерв нефтепродуктов в объеме 300-350 млн т. Власти уверяют, что этого подкожного жира хватит для преодоления трудных времен. Упадут цены на нефть, поднимутся цены на газ, которые находятся в обратной корреляции к первым с опозданием примерно в шесть-восемь месяцев. В целом показатели ТЭКа, в частности "нефтянки", выглядят хорошо. В 1999 г. объем физической продукции в секторе составил в нефтяном эквиваленте 990 млн т против 980 млн т в 1998 г. Спад в газовой отрасли компенсировался ростом в угольной и нефтяной.

Однако это не должно затушевывать остроту проблем. Российская экономика слишком зависима от состояния ТЭКа. В 2000 г. на долю ТЭКа приходилось свыше 30% промышленного производства, 30% доходов консолидированного бюджета, включая 77,7% налогов, 45% всех валютных поступлений. Экспорт нефти и газа не оказывает значительного влияния на ВВП (статистически корреляция составляет соответственно 0,39 и 0,52), но сильно воздействует опосредованно через деятельность государства, которое перераспределяет через бюджет большую часть доходов от экспорта. Через внешнеторговый оборот на мировом рынке на экспортную выручку закупаются продовольствие, потребительские и промышленные товары. Из этого же источника пополняются золотовалютные резервы Центробанка, погашаются внешние долги, отодвигая угрозу суверенного дефолта.

Возрастающая роль нефтегазового экспорта подтверждается динамикой соотношения валютной выручки нефти, нефтепродуктов и газа к

расходам федерального бюджета. С 1997 г. по 1999 г. оно выросло с 25 до 102, т. е. в четыре раза. Отношение объема обслуживания внешнего долга к доходам от нефти и газа – с 20 в 1994 г. до 40 в 2000 г., или в два раза. Подобный механизм погашения задолженности перед иностранными кредиторами фактически означает прямое и безвозвратное изъятие средств из экономики. Оно тем значительней, чем ниже падают цены на энергоносители. Велико влияние нестабильной ситуации на Северном Кавказе и в регионах, прилегающих к России. Немало зависит и от того, насколько жесткая политика проводится Западом по отношению к российским товарам на мировых рынках.

В 1999 г. от экспорта нефти и нефтепродуктов компании получили, по оценкам, 18 млрд долл. В 2000 г. получение такой суммы проблематично. Снижение цены за баррель на один доллар приводит к потерям 7 долларов с каждой тонны. За месяц набегает 80 млн долл., за год примерно 1 млрд долларов. Если, как того добиваются Соединенные Штаты, падение составит 7-8 долл./барр., доход сократится примерно на 7 млрд долл. С учетом экспорта нефтепродуктов, цена которых завязана на нефть, цифра может увеличиться до 9-10 млрд долл. Это эквивалентно сумме долга и процентов по нему, которые Кремлю и правительству формально нужно выплатить в 2000 г. (10,2 млрд долл.).

В первом квартале 2000 г. цена на российскую нефть Юралс снизилась с 30 долл./барр. до 22,05 долл./барр. Эта динамика повторилась во втором квартале. Возможности расширить поставки на внешний и внутренний рынки у России нет. Пропускная способность экспортного трубопровода 120 млн т в год. Потребление в стране – 180 млн т и упирается в низкую платежеспособность потребителей. Емкость рынка в СНГ и Балтии – около 25 млн т. Итого приблизительно 320 млн т. В 2000 г. планируется получить 308 млн т. Вывоз нефтепродуктов сократится, по прогнозам, с 55 млн т до 50 млн т.

Уменьшаются доходы не только от экспорта, но и от внутренних налоговых поступлений в бюджет. Напомню: 77,7% всех фискальных платежей в него приходится на ТЭК. Добытый в 1999 г. объем нефти и газового конденсата 304 млн т получен в основном благодаря “Сургутнефтегазу” и совместным предприятиям. В других крупнейших компаниях добыча упала. Отрасль все сильнее расслаивается по уровню рентабельности. В 1999 г. лидеры (ЛУКОЙЛ, “Сургутнефтегаз”) получили доход в десять раз больший, чем в 1998 г. Прибыльность других была значительно ниже. Многие не смогли погасить накопившиеся долги.

Катастрофическая ситуация складывается сразу в трех сферах: ресурсном обеспечении, состоянии основных фондов и инфраструктуры, инвестициях.

В СССР действовало железное правило: сколько добыл нефти, настолько и прирастил запасы. За последнее десятилетие этот принцип был отброшен. Вытеснив государство из отрасли, нефтяные “бароны” принялись хищнически проедать месторождения, разведанные еще в советское время. В 1994-2000 гг. компании втрое сократили объемы геологоразведки, считая, что на их век сырья хватит, а тратиться на изыскания значит работать себе в убыток. Даже вертикально интегрированные компании строятся по схеме: добыча – переработка – транспортировка – реализация. Отсутствует звено геологоразведка – добыча, т. к. затраты в этом случае труднопрогнозируемы, транзакции нерегулярны, активы неспецифичны.

Особенность “нефтянки” – длинный цикл капитализации, который может достигать до 15 лет. Из них первые десять уходят только на разведку и обустройство, лишь в последующем пятилетии начинается промышленная эксплуатация. Почти никто из “баронов” не планирует свою деятельность на такой срок. Вместе с тем они делают все, чтобы с рынка ушли небольшие, неинтегрированные компании, работающие со средними и мелкими скважинами, чтобы государство не оказывало им никакой поддержки.

В результате в 1998-2000 гг. сильно ухудшилась структура запасов: их номинальный прирост не компенсирует выбытия. Например, в 1999 г. увеличение составило лишь 65% от добычи (по газу – 35%). Фактически необходимо прибавление вдвое больше, поскольку при существующем в России техническом уровне коэффициент извлечения не превышает 0,3-0,4, а первоначальные оценки запасов всегда слишком оптимистичны.

За десятилетие объем эксплуатационного бурения сократился в четыре раза. В 2000 г. свыше 70% нефти извлекается из скважин малыми дебитами, которые упали за 90-е годы с 11,2 т в сутки до 7,2 т, т. е. уперлись в порог рентабельности. Неработающий фонд достиг 30%. Обеспеченность доказанными запасами ограничивается 20-25 годами, а у некоторых компаний – 15 годами. Это привело к абсолютному падению добычи с 516 млн т в год в 1990 г. до 304,8 млн т в 1999 г., несмотря на общий рост мировых цен на углеводороды и производства российской промышленности. План 2000 г. – 308 млн т, что составляет около 60% от уровня десятилетней давности. При сохранении тенденции к 2005 г. объем уменьшится до 225 млн т при потребности 285-335 млн т. Параллельно растут затраты на добычу, которые передаются в ценах по всей ресурсно-технологической цепочке, формируя мощный инфляционный потенциал. Из локомотива экономики “нефтянка” превращается в ее тормоз.

По расчетам Минэнерго, к 2010 г. объем трудноизвлекаемых запасов достигнет 70% от суммарных. В то же время с 1991 г. российская гео-

логоразведка растеряла кадры, оборудование. Из-за развала изыскательские работы ведутся не в перспективных, а в старых промысловых регионах. Самые крупные из открытых в 1999 г. месторождений содержат менее 10 млн т. Глубокое бурение производится в основном в Западной Сибири, Поволжье, на Урале. На поисковую разведку в Восточной Сибири, на шельфе денег у компаний не имеется.

Руководствуясь сиюминутными коммерческими планами, “бароны” сконцентрировались на эксплуатации самых продуктивных месторождений. Малодебитные скважины выводятся за баланс и забрасываются. В 1999 г. число брошенных выросло с 21,2 тыс. до 24,9 тыс. Нарушение технологии равномерной добычи приводит к падению давления в пластах. Под землей остается много нефти, которая безвозвратно теряется. Отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы (ВМСБ) не централизуются, как в СССР, а направляются в регионы, где используются часто не по назначению. Да и сами отчисления падают, т. к. компании всячески занижают объемы и цены добываемого сырья. Они сделали все, чтобы похоронить подготовку долгосрочной программы ВМСБ с участием Минэнерго, Минприроды, Минэкономики, глав нефтегазовых субъектов Федерации.

Общими усилиями нефтяных компаний парализована система лицензионных соглашений с государством, которая позволяла отбирать у нарушителей право на добычу. Сегодня правительство полностью выведено из игры. Оно не может провести дополнительный тендер и одновременно поддерживать в рабочем состоянии промыслы, выставленные на продажу, не имеет для этого денег, кадров. Территориальные геолкомы и структуры, вроде “Тендерресурс”, не в состоянии решить эту задачу. Вместе с “генералами” из газовой и электроэнергетической отраслей “бароны” сорвали выполнение заданий федеральной программы энергосбережения на 1998-1999 гг.

В ужасающем состоянии находятся основные фонды и инфраструктура. В 2000 г. возраст и износ машин и оборудования достигли критических значений. Доля нефтепроводов со сроком эксплуатации более двадцати лет достигла 77%, свыше тридцати – 40,6%. На коррозию металла приходится одна пятая часть аварий на трубопроводах. Тысячи километров утратили металл на 50% с лишним от толщины стенки и создают огромную экологическую опасность. В бассейнах Волги, Дона и других рек высока степень нефтяного загрязнения. Более 30% проб питьевой воды не соответствуют химическим и бактериологическим нормам. В ряде районов Тюменской и Томской областей, например, содержание углеводов в воде превышает нормативы в 150-300 раз.

В России сложился переизбыток мощностей по первичной переработке, но мало – по вторичной. Максимальная ее глубина 65% (против

90-98%, скажем, в США). Это привело к высокой доле мазута в производстве и экспорте нефтепродуктов (45% от общего), к необходимости импортировать большие объемы высокооктановых сортов бензина. Средняя рыночная цена российской “корзины” нефтепродуктов стала дешевле стоимости сырой нефти, обрекая вывозить только сырье. Тем самым консервируется зависимость экономики от конъюнктуры мирового рынка, которая, как показывают события, умело управляется Соединенными Штатами.

В ходе “реформ” основная часть НПЗ акционировалась самостоятельно. Заводы, купленные нефтяными компаниями, только эксплуатировались. На их модернизацию требуется много лет и миллиарды долларов, тратить которые “бароны” не желают, поскольку слишком велики риски. Скажем, “Сургутнефтегаз” вот уже пять лет не может оторвать от себя 1 млрд долл. для строительства в Киришах НПЗ по глубокой переработке сырья. В итоге основные фонды этого (как и многих других) завода изношены на 100%. Загрузка составляет в среднем 57% при технологической норме 80-85%.

Упадок нефтяной промышленности ускоряется сворачиванием инвестиций, которые за десять лет уменьшились в семь-восемь раз против в среднем пятикратного падения в реальном секторе. В целом по ТЭКу отношение годовых капвложений к стоимости основных фондов составляет 2-4%, коэффициент обновления активной части оборудования – 5-7%. При этом удельный вес мощностей, выработавших свой ресурс, но по-прежнему эксплуатируемых, превышает 7%.

За счет чего нефтяные компании финансируют производство? Основным источником служат собственные средства. Коэффициент автономии доходит до 90% и более. Используется амортизация, прибыль инвестиции издержек (текущий ремонт, невыплаты персоналу, поставщикам, бюджету), что позволяет обходиться минимальными средствами. Доля заемных ресурсов в общих капвложениях ничтожна. Предприятия не хотят связываться с кредиторами и инвесторами, в т. ч. иностранными, перед которыми еще с доавгустовских времен остались непогашенные долги. С помощью эмиссии ценных бумаг ресурсы привлекают единицы – ЛУКойл, ТНК, “Сургутнефтегаз”. Несмотря на то, что зарубежный капитал предпочитает в России именно ТЭК (из 10 млрд долл. накопленных инвестиций половина пришла на данный сектор), финансировались только те компании, где нерезиденты имели большой пакет. Их главная цель – не развитие отрасли, а диверсификация топливных источников.

В 1999 г. инвестиции в “нефтянку” уменьшились в среднем на 10%. Треть всех капвложений в отрасли пришла на “Сургутнефтегаз” (двукратный рост за год). Без учета этой компании падение составило 40%.

В других оно было еще глубже. Например, в “Сибнефти”, по сравнению с 1997 г., в 2,3 раза, ВНК – в 3,5 раза, ЮКОСЕ – в 4 раза. То есть полученная прибыль не реинвестировалась в производство, а пряталась от государства, вывозилась за границу. Только отслеживаемый правительством отток капитала достигает 1,5-2 млрд долл. в месяц или 18-25 млрд долл. в год, немалая часть которых принадлежит нефтяным “баронам”. Это примерно вчетверо больше того минимума (6 млрд долл.), который необходим для поддержания на плаву российского ТЭКа.

Главная причина бегства капитала – стремление перенести все финансово-хозяйственные отношения между российскими предприятиями за границу, нежелание платить налоги в России. Для этого изобретается множество схем. Например, продажа своему НПЗ (т. е. самому себе) нефти по заниженным ценам, тем самым сокращая налогооблагаемую базу, трансфертное ценообразование и переход на единую акцию, а также удержание в компании части отчислений на ВМСБ. Это 10% от стоимости добываемой нефти, из которых половина средств остается в распоряжении “баронов”. Широко используются расчеты с дочками векселями с погашением “никогда”; засчитывание эксплуатационных скважин, как разведочных; работа по давальческим схемам при реализации ГСМ, что избавляет от необходимости платить налог с продаж; перевод к себе на баланс субъектов соцкультбыта, что дает возможность получить большие льготы.

На падение мировых цен на нефть “бароны” ответят так же, как и в 1998 г., когда ее рыночная стоимость опустилась до 8 долл./барр. Компании усилят давление на Кремль и правительство, выбивая налоговые, экспортные и прочие поблажки. Будут закрывать малодебитные скважины, сворачивать производство, занятость, настаивать на новой девальвации или увеличении рублевой эмиссии, чтобы сохранить свою рентабельность.

К запуску печатного станка на большую мощность Белый дом и Неглинную подталкивают и другие факторы. Даже если цена не пробьет заложенный в бюджете-2000 барьер 18-19 долл./барр., при сложившейся динамике за год растет вся нефтедолларовая надбавка, из которой в 1999-2000 гг. обслуживался внешний долг, велась война в Чечне, оплачивался увеличенный в полтора-два раза оборонный заказ, финансировалось повышение пенсий, другие социальные расходы, пополнялись золотовалютные запасы и удерживался курс рубля. С исчезновением кислородной подушки нефтедолларов уравнивать платежный баланс придется с помощью инфляции. Ее небольшой рост, как считают некоторые экономисты, даже не помешает: он будет благоприятствовать стимулированию экспорта, ограничению импорта, соответственно, поощрению импортозамещения. У экономики снова появится запас рентабельности, как в январе-сентябре 1999 г.

Проведенное в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН исследование воздействия роста эмиссии на российскую экономику в 1992-1996 гг. показывает, кто выигрывает и проигрывает от инфляционного обесценения рубля. Инфляция – это налог, который государство налагает на своих подданных как монополист печатного станка. За пять лет оно таким образом присвоило себе 18,9% ВВП. Плательщиками выступили население (лишившиеся средств, эквивалентных 17,6% ВВП) и реальный сектор (2,8%).

Увеличение эмиссии по-разному воздействует на отдельные секторы и отрасли российской экономики. Чем выше цены, тем интенсивней перераспределяется через них произведенная добавленная стоимость. Например, в 1992 г. так было перераспределено 25% ВВП, в последующие годы – по 6-7% ВВП. Главными получателями добавленной стоимости стали государство (2% ВВП), ТЭК (2,2%), банки (2,6%), отрасли производственной инфраструктуры (2,7%), металлургия (0,7%). Главными донорами были население (7,6% ВВП), сельское хозяйство (3,6%), легкая промышленность (0,7%).

Инфляция может лишь углубить деградацию российской экономики и государства. Последнее, на первый взгляд, выигрывает, расплачиваясь по прежним внутренним долгам, обязательствам перед бюджетниками, когда этими же полегчавшими дензнаками оплачивает валюту для обслуживания внешней задолженности, получает налоги, а потом не получает их вовсе. Вместо этого растут неплатежи, бартер, объем денежных суррогатов, долларизация национального хозяйства. Правительство лишается возможности выступать заемщиком внутри России и за рубежом. Сталкивается с новым парадом суверенитетов.

У экспортеров-энергосырьевиков появляется дополнительная рентабельность, т. к. внутренние производственные издержки, долги и обязательства оплачиваются обесценивающимися рублями, но приходится больше тратить на импорт оборудования, комплектующих, сворачивать капвложения в производство и расширение ресурсной базы, отказываться от модернизации основных фондов. Выпустившим валютные облигации либо с купоном, привязанным к курсу доллара, придется идти на дополнительные расходы.

Импортозамещение получит порцию инфляционного адреналина, однако потом придется быстро сворачиваться из-за сокращения инвестиций, реальной платежеспособности внутренних потребителей, роста издержек в результате повышения цен на сырье, топливо, электроэнергию, транспортировку, банковские кредиты, неконкурентоспособности на внешнем рынке.

Российские банки, особенно работающие с экспортерами, возвращают себе высокие маржи на разнице в доходности между валютными и рублевыми операциями. Вернувшись к финансовым спекуляциям, они будут разрушать свою же ресурсную базу. Вкладчики и клиенты начнут отдавать предпочтение долларovým депозитам, обслуживать которые сложно при падающем рубле и плохо прогнозируемых доходах экспортных компаний при резко меняющейся мировой конъюнктуре. С производством, которое выпускает продукцию с большой долей прибавленной стоимости, которое потенциально могло бы выйти на международные рынки, кредитные организации работать не умеют и не хотят.

С серьезными трудностями столкнется страховой сектор, пенсионные и инвестиционные фонды. Усилится общая сырьевая направленность российской экономики в ущерб наукоемким и высокотехнологичным отраслям.

Наибольшие потери понесет население. Цены, которые в постсоветские годы выросли более чем на 1,7 млн %, отбросили 54% граждан за черту бедности. Новый виток инфляции сделает нищими 80% россиян, обесценив пенсии, зарплаты, пособия, задолженность по ним со стороны государства, остатки сбережений, у кого они еще сохранились.

Системный кризис в нефтяной отрасли сопровождается и во многом провоцируется борьбой за передел собственности. Последний дележ "нефтянки" был в 1998 г., когда сильные корпорации начали поедать слабые фирмы. Теперь этот процесс возобновился с новой силой, поскольку вероятность дальнейшего падения мировых цен остается высокой.

Первое, на чем сосредоточились "бароны", это полное удаление государства из ТЭКа (и желательно, из экономики вообще). Они хотят урезать полномочия Минэнерго и возможность его воздействия на нефтяные компании, окончательно похоронить идею "Госнефти". Ее главный сторонник В. Калюжный был отстранен от министерского поста, а сменивший его А. Гаврин, близкий к "ЛУКОЙЛУ", выступил активным противником ГНК. Сомнения в ее организации в июне высказал президент В. Путин. Регулировать рынок правительство предлагает с помощью госрезервов со стратегическими запасами топлива (а также зерна, металлов). Мингосимущества начало подготовку к продаже госпакетов в компаниях, которые прежде планировали включить в ГНК, – "Славнефти" (доля государства 85,75%), ОНАКО (85%), "Роснефти" (100%). Претенденты уже определились и приступили к действиям, используя связи в госструктурах.

Насильственные или добровольные присоединения данных компаний открывают частным корпорациям доступ к дополнительным месторождениям с давно обустроенной добывающей, транспортной, перера-

батывающей и социальной инфраструктурой, кадрами, производственными и сбытовыми связями. Это позволяет значительно экономить на инвестициях по освоению запасов, уменьшать себестоимость добываемого сырья по сравнению с неосвоенными территориями, расширять рынки сбыта и сферы влияния через свои монопольные цены, увеличивать собственную капитализацию и, соответственно, объем привлекаемых кредитов, привлекательность выпускаемых ценных бумаг.

Наиболее агрессивно ведет себя Тюменская нефтяная компания, которая избрала тактику “объедания пирога с краев” против предприятий “Славнефти”, где 74,95% капитала принадлежит России, а 10,8% – Белоруссии. К середине июня ТНК скупила 27,45% акций в “Межрегионгазе”, 11,3% в Ярославском НПЗ, 34% в “Ярославнефтеоргсинтезе”, 12,58% в самой “Славнефти” и готова приобрести еще 19,68%, выставляемых правительством на продажу.

Ответ “Славнефти” был симметричным. Она тоже начала скупать акции дочек ТНК: 5% в нефтедобывающем предприятии “Нижневартовск”, 5% в “Самотлорнефтегазе”, 10% в “Нижневартовскнефтегазе”. Хотя во всех этих структурах матери принадлежит свыше 80%, новый акционер может попортить конкуренту много крови. Особую пикантность интриге добавляет то, что к назначению М. Гуцериева главой “Славнефти”, по слухам, приложил руку владелец “Сибнефти” Р. Абрамович, который будто бы пролоббировал соответствующее решение в Белом доме и фактически контролирует финансовые потоки “Славнефти”.

Как сообщают, ТНК стояла за отстранением государственной “Роснефти” от восстановления нефтяной отрасли Чечни, где добывается лучшее в России малосернистое сырье (около 1,5 млн т в год). Создаваемую по распоряжению правительства “Грознефть” возглавит человек, близкий к “тюменцам”.

“ЛУКОЙл” в качестве мишени избрал другие предприятия “Роснефти”. В первую очередь – “Архангельскгеолдобычу”, которая является очень важной для освоения богатейшего Тимано-Печорского месторождения. Контрольный пакет в ней (57,8%) принадлежит концерну и “Газпрому”, блокирующий – “Роснефти” (25,5%). Попытки договориться миром не увенчались успехом, поэтому “ЛУКОЙл” приступил к длительной осаде госкомпании. Он не оставил планы заглотив также небольшие частные фирмы “АмКоми”, “Северная нефть”, “Тэбукнефть”, давно работающих в Республике Коми, где “ЛУКОЙл” намерен стать абсолютным монополистом, собрав контрольные пакеты всех нефтедобывающих предприятий в регионе. В Дагестане концерн хочет захватить еще одну дочь “Роснефти” – “Дагнефть”, ведущую добычу в российской

зоне Каспийского моря, объявленной В. Алекперовым сферой стратегических интересов его корпорации.

На другое добывающее предприятие “Роснефти” – “Пурнефтегаз” (7 млн т в год) нацелилась “Сибнефть”. Она приступила к скупке его акций, чтобы присоединить дочь соперника к своему “Ноябрьск-нефтегазу”, находящемуся на той же территории и имеющему с ней технологические связи.

Вместе с ЮКОСом “ЛУКОЙл” пытается, преодолевая сопротивление региональных властей, расчленив госкомпанию ОНАКО. Первому нужно ее основное добывающее предприятие “Оренбургнефть” (по разным оценкам, М. Ходорковский скупил уже от 16% до 31% акций) для поставок сырья в Монголию и Китай. Второй концерн мечтает об Орском НПЗ для загрузки его казахской нефтью. 25 мая на собрании акционеров держатели госпакета проголосовали за назначение президентом ОНАКО А. Шамсуарова, который возглавлял лукойловскую “Урайнефть” и теперь ускорит предпродажную подготовку ОНАКО. “ЛУКОЙл” намерен скушать добывающую компанию “Норси-Ойл” в Нижнем Новгороде, но натолкнулся на противодействие “Газпрома”, чья дочерняя “Сибирско-Уральская нефтехимическая компания” (СИБУР) желает того же.

За обладание “Варьганнефтегазом” (2,5 млн т в год) в Ханты-Мансийском АО столкнулись ее мать СИДАНКО и “Группа Альянс”, которая предложила выкупить все долги дочери (около 1 млрд руб.) и инвестировать в нее свыше 500 млн долл. в 2000-2002 гг. В Татарии президент М. Шаймиев подписал указ о передаче бесплатно (за прежнее государственное финансирование на воспроизводство минерально-ресурсной базы) либо продаже по номиналу блокирующих пакетов всех местных нефтяных компаний республиканскому МГИ, чтобы усилить позиции “Татнефти”.

Если планы слияний и поглощений осуществляются, к 2005 г. в России останутся пять крупных нефтяных корпораций – “ЛУКОЙл” (с добычей до 100 млн т в год), ЮКОС (60-65 млн т), “Сургутнефтегаз” (50 млн т), ТНК (40-45 млн т), “Сибнефть” (25-30 млн т).

Война идет не только за передел месторождений и мощностей, но и за рынки оптовых продаж. Вот как к июню 2000 г. компании разделили Россию: Центр – ЦТК (30,8%), ТНК (27,4%), “Славнефть” (16,33%); Центральное Черноземье – ЮКОС (57,9%), СИБУР (8,9%), ТНК (8,8%); Северный Кавказ – “ЛУКОЙл” (25,28%), “Башнефтехим” (21,4%), ОНАКО (13,52%); Волго-Вятский район – “ЛУКОЙл” (37,18%), “Норси-Ойл” (33,4%), “Славнефть” (8,87%); Поволжье – ЮКОС (50,8%), “ЛУКОЙл” (9,54%) СИДАНКО (8,06%); Урал – “ЛУКОЙл” (26,87%), “Башнефтехим”

(28,9%), “Сибнефть” (7,9%); Западная Сибирь – “Сибнефть” (46,62%), ЮКОС (25,2%), “Газпром” (7,6%); Восточная Сибирь – СИДАНКО (54,16%), ЮКОС (57,01%), “Сибнефть” (4,77%); Дальний Восток – ЮКОС (44,6%), “Газпром” (23,5%), “Россибнефть” (5,02%); Север – “Славнефть” (28,5%), “ЛУКОЙЛ” (19,2%), ТНК (13,6%); Калининградская область – “Башнефтехим” (31,71%), “Сургутнефтегаз” (22,76%), “ЛУКОЙЛ” (17%); Северо-Запад – “Славнефть” (24,9%), “Сургутнефтегаз” (22,4%), “Башнефтехим” (14,3%).

Конкуренция усиливается и в розничной сфере, хотя этот процесс пока на начальной стадии. В первом полугодии 2000 г. из 29 тыс. АЗС четыре пятых принадлежали независимым операторам и лишь одна пятая – корпорациям. Среди последних лидировали “ЛУКОЙЛ” (свыше 1000 заправок, в т. ч. около 20 в Москве), ЮКОС (1000 АЗС, 200 нефтебаз в сорока регионах), ТНК (600 своих и джобберских станций).

В отдельных субъектах РФ степень розничной монополизации очень высока. Например, в Ярославской области на “Славнефть” приходится 60% реализации, в Омской области “Сибнефти” принадлежит 70% рынка, в Татарии 60% продаж контролирует “Татнефть”. В Москве и Петербурге соперничество между “ЛУКОЙЛОМ”, “Славнефтью”, “Сургутнефтегазом”, ЮКОСОМ, ТНК, “Татнефтью” исключительно напряженное.

Продолжается противоборство за доступ к экспортной “трубе”. В частности, к строящейся Балтийской нефтепроводной системе, которая соединит Тимано-Печорское месторождение (Коми, Ненецкий и Ямало-Ненецкий АО) с портом Приморье в Ленинградской области (2,7 тыс. км, мощность от 12 млн до 30 млн т в год). “ЛУКОЙЛ”, ТНК, “Сибнефть” и другие хотят ограничить долю государства в лице “Транснефти” 50% плюс одной акцией, а если получится, то и меньшим пакетом акций.

Одновременно с переделом собственности и рынков, нефтяные “бароны” навязывают Кремлю и Белому дому свой вариант фискальных новаций: снижение экспортных пошлин, повышение акцизов, отмену платы за недропользование, налога на воспроизводство минерально-сырьевой базы, акциза на добываемое сырье (о чем мечтает весь сырьевой капитал). Выгоду от этих подарков корпорации получают огромную. Многие из них заложили в свои бюджеты в 2000 г. цены 14-18 долл./барр. Если до конца года мировые цены удержатся на уровне 23-25 долл./барр., прибыли компаний при низких пошлинах будут по-прежнему внушительными.

В отличие от пошлин, от неуплаты которых трудно уклониться, акцизы на бензин (равно как и на водку, табачные изделия) в России собираются плохо, т. к. этот налог научились обходить. Скажем, АЗС заку-

пают на НПЗ неподакцизные нефтепродукты, которые смешиваются непосредственно на заправочных станциях в бензин нужных марок. В наиболее выигрышном положении оказываются АЗС, принадлежащие крупным компаниям, которые предоставляют своим все необходимое практически даром. В уязвимое положение попадают независимые владельцы заправок: “бароны” будут диктовать им цены и условия. Несогласным придется закупать чистый бензин и при повышении акцизов поднимать отпускные цены. В результате автономные АЗС станут неконкурентоспособными и покинут сцену. Так ведущие концерны руками государства расчищают себе внутренний рынок.

Стараясь уйти от налогов, нефтяные корпорации специально разводят центры извлечения прибыли и ее формирования, что позволяет не делиться доходами с ресурсными регионами. При этом делается все, чтобы в России не вводилось рентное налогообложение. “Бароны” грамотно играют на противоречиях и противостоянии Кремля и субъектов РФ, поощряя правительство урезать те налоги, которые пополняют казну территорий.

Укрепление вертикали федеральной власти в провинции тоже в интересах нефтяного и сырьевого капитала вообще. Сегодня для передела собственности он меньше нуждается в поддержке местных администраций, которых прежде поощрял к огораживанию и сепаратизму, в спекуляциях на идеях либерализма и демократии, чем 5-10 лет назад. “Сырьевики” чувствуют себя победителями, властью, которую они пытаются укрепить в союзе с госбуржуазией, преодолеть раздробленность российского рынка, где в каждом удельном княжестве приходится платить местным “бонзам”. Олигархи больше не желают тратиться, равно как и терпеть (вместе с номенклатурой) “вседозволенность” со стороны СМИ и демократической общественности.

УПАДОК ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ

Тяжелые времена переживает компания РАО “ЕЭС”. Инфраструктура энергетической системы пребывает в ужасающем состоянии. По оценке самого РАО, в 2000 г. полностью выработало свой ресурс оборудование 17% генерирующих мощностей, свыше 30% – электрических сетей, около 40% – магистрально-тепловых сетей.

Средний возраст основных фондов – 26 лет при нормативном сроке службы 40 лет, т. е. накопленный износ достиг 66%, по другим заключениям – 80%. Выбытие старого оборудования составляет 5-7 млн кВт в год. И это при росте промышленного производства 6% в 1999 г. и 8% в первом квартале 2000 г. От аварий и катастроф пока спасает гигантское падение выпуска продукции после 1990 г. и, соответственно, расхода

ние электроэнергии. В постсоветское десятилетие валовой внутренний продукт уменьшился вдвое – до 205,3 млрд долл. в 1999 г., энергопотребление – на 25-30%, расходование теплоэнергии – на 30%. В абсолютных цифрах в прошлом году выработано 847 млрд кВтч, использовано – 833,4 млрд кВтч.

Россия сохранила прежнюю циклопическую инфраструктуру. В том числе в электроэнергетике, где коэффициент использования основных фондов снизился до 44%. Все постперестроечные правительства руководствовались принципом: в ближайшие 20-25 лет заниматься данной отраслью не нужно, т. к. накопленные в ней резервы слишком велики.

Спустя всего десятилетие от этого мало что осталось. Мощности, ставшие искусственно избыточными, стремительно приходят в упадок, физически и морально устаревают. Многие ТЭС загружены на 50-60%. Основные фонды теряют эффективность, требуют постоянно возрастающих расходов на текущий ремонт, поддержание хотя бы эксплуатационного режима.

При росте подобных затрат падает рентабельность. Рабочий ресурс мощностей сохраняется не за счет перехода на технологически более совершенное, экономное оборудование, а только за счет замены отдельных узлов, деталей, участков сетей, паропроводов. Как отмечает Минэнерго, за последние два года в отрасли не было введено в строй ни одного нового объекта энергетики.

За рапортами руководства РАО “ЕЭС” о росте производства электроэнергии на 2% в действительности стоит спад на 0,3% производства на ТЭЦ. Общее увеличение достигнуто благодаря “Росэнергоатому”, нарастившему выработку до 120 млрд кВтч, или на 16% по сравнению с 1998 г. РАО оплатило деньгами только 18% всего объема поставки. Если же в стоимостных показателях учитывать темпы инфляции, чего руководители концерна тщательно избегают, то рост получается еще меньше – 0,2%.

Фактически эти показатели получены за счет проедания советского наследства. Сегодня РАО “ЕЭС” включает 65 из 75 энергосистем государства. Техническую основу составляют 440 тепловых и гидроэлектростанций мощностью соответственно 132 млн и 44 млн кВт. Суммарная установленная мощность АЭС – 21 млн кВт. Протяженность линий электропередач всех классов напряжений – 2,7 млн км, включая системообразующие с напряжением свыше 220 кВт – 150 тыс. км. Как уже говорилось, весь этот потенциал используется отвратительно. Эффективность энергопотребления, которая резко упала в начале 90-х годов, в 2000 г. снизилась еще больше.

В отличие от СССР, в постсоветской России энергетики лишились возможности перебрасывать большие объемы энергии: от Приморья до Калининградской области. Целостность системы разрушена. Европей-

ская часть изолирована от Сибири и Дальнего Востока. Высоковольтные ЛЭПы остались в Казахстане. Новые в обход не построены. Сибирские мощности заперты в территориальных анклавах, не имеют выхода, не могут компенсировать нехватку электричества в европейской зоне. На месте некогда единой, жестко управляемой структуры возникли десятки, сотни генераторов и поставщиков электроэнергии, которые находятся под железной пятой местных властей и коммерческих интересов.

В Минэнерго с сожалением констатируют, что в российской электроэнергетике больше нет прежнего уровня резервов, который необходим для обеспечения надежности снабжения и конкурентоспособности. По итогам зимы 1999-2000 гг. наибольший резерв оказался на Дальнем Востоке (16%), но и его оказалось недостаточно для предотвращения верных отключений, сбоев. Для сравнения: в ЕС минимально допустимый уровень – 25%, фактически же – 48%.

Электроэнергетики больше не могут выбирать тот вид топлива, который им больше подходит. Поэтому недопоставки потребителям колеблются от 2 млн до 10млн кВт в день. В европейской России нехватку энергоресурсов еще как-то компенсируют сокращением экспорта газа, мазута. На Юге, Урале, Дальнем Востоке подобной альтернативы не существует.

Нарастающими темпами тает технический и кадровый потенциал энергомашиностроения. Через пару лет, по прогнозам, оно не сможет выполнять заказы энергетиков. На Западе чистая прибыльность такого производства составляет 25%. Уничтожен огромный бизнес, приносивший 4 млрд долл. в год, которые электроэнергетическая отрасль зарабатывала на строительстве за рубежом, на экспорте энергии.

Развалена вся финансово-инвестиционная система РАО “ЕЭС”. По его же данным, в апреле общая дебиторская задолженность достигла 147,6 млрд руб., или 5,2 млрд долл. по текущему курсу. Из них долги федеральных бюджетополучателей (потребляющих 6% электроэнергии РАО) составляют около 1%. При этом задолженность самого концерна только по зарплате в 1999 г. исчислялась в 1,9 млрд руб., перед “Газпромом” – 45 млрд руб. в первом квартале 2000 г.

Планировалось, что в январе-марте 2000 г. оплата деньгами со стороны РАО “ЕЭС” будет доведена до 51%. На деле оказалось 48%, остальное пришлось на бартер, взаимозачеты, денежные суррогаты. По сравнению с 16% в 1998 г. это несомненный успех, считают в концерне. Успех сомнительный. Согласно пролоббированным два года назад указам Б. Ельцина и постановлениям правительства, если потребитель платит за электроэнергию деньгами, цена на нее (и газ тоже) снижается наполовину.

Тем временем находящаяся в упадке инфраструктура требует все больших затрат. Ввод 1 кВт мощностей стоит 800 млн долл., модернизация действующих объектов – 300-400 млн долл. за 1 кВт. До 2005 г. свои потребности в инвестициях РАО “ЕЭС” оценивает 5 млрд долл. ежегодно, а в 2006-2010 гг. – по 7-8 млрд долл.

За последнее десятилетие объем инвестиций в электроэнергетике снизился в шесть раз. В 1999 г. он составил в РАО “ЕЭС” 28,3 млрд руб., которые обеспечивали только жизнедеятельность системы и удовлетворяли нынешний, значительно снизившийся спрос. Раньше вложения капитала в основные средства включались в себестоимость продукции. Теперь такое финансирование на себестоимость не переносится. Примерно 90% капвложений производится за счет средств самого концерна и региональных компаний, 1,5% приходится на бюджеты различных уровней, остальное – на прочие источники. В структуре собственных средств доля амортизации возросла до 57%, прибыли региональных АО и инвестиционной составляющей в абонентной плате РАО “ЕЭС” – до 40%, другие источники – 3%.

Из приведенных данных видно: на амортизацию приходится свыше половины ресурсов. Учитывая, что множество предприятий эксплуатируются уже более тридцати лет, данный резерв практически израсходован. Задолженность РАО “ЕЭС” по западным кредитам перевалила за 200 млрд долл., но ни один займ не брался на развитие энергетики.

По данным РАО “ЕЭС”, в каждом втором АО-энерго тарифы на электроэнергию не покрывают издержек на ее производство. Утверждается, что не спасет положения увеличение расценок за электричество ТЭС и АЭС на 30-40% с 1 мая 2000 г. Из 73 электростанций 19 убыточны. Однако есть и другие мнения. Критики концерна задают вопросы, сколько миллиардов долларов утекло в последние годы из РАО “ЕЭС” в оффшоры, спрятано в дебиторской задолженности, “наварено” на вексельных, кредитно-залоговых, взаимозачетных, бартерных схемах на манипуляциях с ценами на различные виды топлива и тарифами. Ответов на эти вопросы нет, что лишь ужесточает полемику.

В думском комитете по природным ресурсам любят приводить такой пример. На Ленинградской АЭС себестоимость одного кВт всего 12 коп. Его РАО “ЕЭС” покупает за 15 коп., а перепродает потребителям уже по 40 коп. В 2000 г. Минатом доведет выработку до 130 млрд кВт.

Критики концерна предлагают свою арифметику. При мировой цене на газ 60-70 долл. за тысячу “кубов” РАО приобретает его у “Газпрома” по 10 долл. Из каждого “куба” вырабатывается 3600 кВт. По информации РАО “ЕЭС”, в апреле внутренние цены на электроэнергию составляли 1-1,5 цента за кВт, внешние – 3-5 центов. С учетом истраченного на покупку газа это приносит компании соответственно 26-44 долл.

и 98-170 долларов. Помножив эти суммы на 24,2 млрд куб. м газа, которые концерн выбил у “Газпрома” на второй квартал, получаем 629,2 млн-1,06 млрд долл. на внутреннем рынке и 2,4 млрд-4,1 млрд долл. – на внешнем. Даже принимая во внимание, что на все инвестиции РАО “ЕЭС” официально израсходовало около 1 млрд долл., при существующей себестоимости одного кВт получается неплохой доход. Есть за что побороться с “Газпромом”, задействовав своих лоббистов в законодательной и исполнительной власти, чтобы поставки столь дешевого топлива ни в коем случае не сокращались.

Но ситуация в электроэнергетике действительно серьезная и продолжает ухудшаться. Вот еще несколько тревожных цифр. Каждая вторая турбина отработала свой ресурс на 50%, не менее трети – на 100%, у трети превышены нормативные сроки эксплуатации. Электротехническое оборудование изношено на 40%. В ближайшие годы отрасль в состоянии обеспечить всего 2% роста промышленного производства, поскольку созданный во времена СССР потенциал быстро разрушается.

Из примерно 205 млн кВт сегодняшних мощностей электростанций полностью выработан проектный ресурс в объеме 41 млн кВт. Если не обновить и не демонтировать оборудование, ставшее источником повышенной технической опасности, в 2000 г. его выбытие составит 52,4 млн кВт (24,3% к уровню 1997 г.), в 2001 г. – 70 млн кВт (32%), в 2005 г. – 79,8 млн кВт (37%), в 2010 г. – 108-113 млн кВт (50-52%). В ближайшее пятилетие промышленное производство не поднимется выше уровня 1999 г. из-за дефицита электроэнергии. Быстро восстановить ее уже не получится, т. к. инвестиционный цикл в электроэнергетике превышает 10 лет.

Да и денег на это, как утверждают в РАО “ЕЭС”, в компании нет. По итогам 1999 г. ее кредиторская задолженность достигла почти 268 млрд руб. (против 199,3 млрд руб. в начале 1998 г.), что более чем на 68 млрд руб. превзошло задолженность самому концерну со стороны дебиторов. Из данных 68 млрд лишь 28,3 млрд руб. истрачены на инвестиции, которые взяли на себя региональные энергокомпании. Они завершили ряд объектов долгостроя, ввели 832 тыс. кВт генерирующих мощностей. (Для сравнения: в СССР каждый год вводилось по 6-12 млн кВт). На долю материнской компании пришлось только 2,2 млрд руб. капвложений.

ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ РАО “ЕЭС”

После обсуждения с заинтересованными министерствами и ведомствами, а также с регионами совету директоров РАО “ЕЭС” будет представлена детальная программа по реформированию электроэнергетики и привлечению в нее инвестиций.

В разработке документа активно участвовали эксперты МВФ и Всемирного банка, которые вот уже несколько лет настаивают на реструктуризации отрасли по британскому образцу и допуске в нее иностранного капитала. Еще в 1996 г. это было одним из условий предоставления России очередного займа.

В 1997 г. вышли президентский указ и постановление правительства о реформировании естественных монополий. В 1999 г. принято еще одно постановление: правительство обязывалось срочно перестроить энергетику в обмен на кредиты ВБ. Согласно документу, уже в апреле 2000 г. планировалось продать крупные пакеты акций частным инвесторам, прежде всего иностранным. Намеченное пришлось отложить из-за парламентских и досрочных президентских выборов, сильного сопротивления планам РАО «ЕЭС» в Госдуме, субъектах Федерации, в самой отрасли.

Сценарий перестройки предполагает разделение всей системы РАО «ЕЭС» на три отдельных бизнеса: производство (генерацию) электроэнергии, ее передачу и сбыт. Ключевым звеном станет 100-процентная федеральная сетевая компания, которой за долги, с помощью взаимозачетов, выкупа передаются все магистральные линии мощностью свыше 110 кВт, включая экспортные. Она будет главной несущей конструкцией оптового рынка и останется государственной монополией.

Из региональных АО-энергосистем будут выделены также самые лучшие гидро- и теплоэлектростанции и переданы в управление двум 100-процентным дочерям РАО «ЕЭС» – «ГЭС-генерации» и «ТЭС-генерации». Для снабжения крупнейших потребителей планируется создать 100-процентную дочернюю сбытовую компанию РАО. В других генерирующих и сбытовых структурах долю концерна намечено уменьшить до 35%, а остальную часть продать.

Концентрация основной инфраструктуры в руках руководства РАО «ЕЭС» позволит Федеральной энергетической комиссии устанавливать единые тарифы, пока не заработает конкуренция и рыночное ценообразование. У региональных властей сохранятся лишь районные и городские сети малого напряжения, низкорентабельные станции, сбыты, предприятия по ремонту ЛЭП. Субъекты РФ лишатся возможности диктовать свои территориальные цены на электроэнергию.

Цель разделения бизнесов, как объявлено, – создать для вкладчиков капитала несколько сфер для инвестиций. Наиболее консервативной, малорентабельной, но зато менее рискованной областью будут электросети. На втором месте по доходности прогнозируется сбыт (установка приборов по учету энергопотребления). Самыми прибыльными и быстро окупаемыми, как обещают, станут вложения в производство электроэнергии. Реструктуризацию собираются провести в три этапа. На первом – перестройка отрасли. На втором – привлечение инвестиций в генера-

цию. На третьем РАО “ЕЭС” должна окончательно оформиться в новую компанию со значительно возросшей капитализацией.

Представленный проект вызвал резкую критику. Оппоненты РАО “ЕЭС” утверждают, что реструктуризация системообразующей отрасли не просчитана с точки зрения национальной безопасности, экономических, финансовых и социальных последствий, как происходило при реформировании других секторов и отраслей – газовой, нефтяной, металлургической, военно-промышленной, банковской, фондовой, страховой, аграрной. По мнению критиков проекта, дробление общей структуры на сотни независимых компаний разрушает управляемость из общего центра, лишает государство каких-либо рычагов влияния на производителей энергии. Остается неясным, что реально сможет сделать правительство с генерирующими станциями, если их новые хозяева в ответ на низкие тарифы и неплатежи просто отключат рубильники. Так в свое время произошло в Казахстане, где инвестор, скупивший электростанции, просто остановил производство.

Неясно, кто будет отвечать за качество электроэнергии в общероссийской сети, за поддержание в ней необходимой частоты электрического тока, когда генерирующие предприятия станут полностью самостоятельными, а сетевая компания займется лишь транспортировкой и диспетчеризацией. Атомизация ранее интегрированной энергосистемы разрушает обслуживающие структуры, что повышает опасность техногенных катастроф.

Учитывая степень изношенности основных фондов, их низкую рентабельность, неплатежеспособность большинства потребителей, инвестиционная привлекательность выставляемых на продажу предприятий крайне мала. Продать объекты можно за ничтожные суммы, если это вообще будет возможно. Что будут делать новые хозяева в условиях тотальных неплатежей, прежде всего со стороны бюджетных организаций и населения, свыше половины которого живет за чертой бедности. Повышать тарифы на свет и тепло, не подняв предварительно доходы граждан, социально опасно. Увеличение с 1 мая 2000 г. отпускных цен на оптовом рынке электроэнергии на 35% (а также на газ – на 15-39% в зависимости от категории потребителей) вместе с ускорившимся с апреля приростом денежной базы, опережением роста оптовых цен по сравнению с розничными провоцирует скачок инфляции в 2000 г.

Было бы целесообразно, если бы авторы проекта реорганизации РАО “ЕЭС” активнее участвовали в дискуссии, привели достоверные экономические и финансовые расчеты относительно эффективности предлагаемых мер. Можно полагать, что будет приток капитала, можно приводить аргументы, что намечаемые шаги находятся в русле общемировой либеральной тенденции. Но нужно полностью отдавать отчет в

том, каковы реальные условия и перспективы вложения средств в перестройку российской электроэнергетики.

Основные надежды РАО "ЕЭС" возлагает, возможно, не на стратегических вкладчиков капитала, которые будут интересоваться действительной рентабельностью компаний, ликвидностью их акций, засилием бартера (что завышает затраты РАО на 40-60%), взаимозачетами и неплатежами. Видимо, ставка делается на инвесторов портфельных. Их, как надеются в концерне, должны привлечь ценные бумаги РАО "ЕЭС", составляющие иногда до половины оборота биржевого рынка.

По мнению американских инвестиционных банков, РАО "ЕЭС" недооценена. Ее нынешняя рыночная капитализация составляет 5,7 млрд долл. Но нет ли опасности, что в результате дробления компании стоимость не возрастет, а уменьшится? Тогда соответственно упадут и котировки ценных бумаг, которые в 1999 г. выросли втрое – до 0,118 долл., а в мае 2000 г. – до 0,1844 долл. за акцию. Причем в самом концерне не останется активов, необходимых для поддержания курсов на прежнем уровне.

Неплатежи парализуют федеральный оптовый рынок электроэнергии и мощностей (ФОРЭМ). В данной ситуации самыми конкурентоспособными оказываются малоэффективные ТЭС, работающие на местном дешевом угле. Такое состояние рынка плюс жесткая тарифная политика не позволят иноинвесторам получать достаточную прибыль, чтобы окупить вложение капитала.

Плохо и то, что широкомасштабная перестройка и передел собственности в отрасли затеваются в полном законодательном вакууме. За исключением нескольких указов Б. Ельцина и постановлений правительства, а также закона об акционерных обществах, нет никаких специальных нормативных документов. Например, до сих пор не принят закон о федеральных энергосистемах. Все важнейшие решения в РАО "ЕЭС" принимает совет директоров, а не собрание акционеров и не государство (в лице коллегии его представителей – ее фактически нет), которому принадлежит 52,55% акций концерна, что создает почву для нескончаемых юридических конфликтов, затрагивающих интересы иностранных инвесторов.

В программе реструктуризации полностью отсутствует механизм защиты прав зарубежных акционеров (особенно миноритарных) региональных энергокомпаний при организации на базе АО-энерго отдельных профильных структур по генерации, продаже и обслуживанию. Вместо одного относительно ликвидного пакета АО-энерго на руках владельцев окажутся несколько малоликвидных бумаг, мелких, нерентабельных компаний, с устаревшим оборудованием, требующим постоянного ремонта, огромной "социалкой" и долгами на балансах, непрозрачным, деформированным рынком, где отсутствует платежеспособный спрос. Ущемляются интересы миноритарных иноинвесторов, владеющих ак-

циями АО-энерго, на фундаменте которых собираются учредить 100-процентную сетевую компанию РАО "ЕЭС".

Выпущенным в самостоятельное плавание генерирующим предприятиям с участием зарубежного капитала придется соперничать с тремя супертяжеловесами – "Росэнергоатомом", "ГЭС-генерацией" и "ТЭС-генерацией". Их конкуренты – маломощные региональные ТЭЦ изначально оказываются в невыгодной ситуации и смогут удерживаться на плаву лишь в осенне-зимний период, когда они производят одновременно электрическую и тепловую энергию.

Не решив проблему платежей, производитель энергии лишается возможности воздействовать на ее покупателя, не оплатившего поставки, поскольку многие станции прикреплены к энергодефицитным регионам. Уместно напомнить, что запрет на отключение энергоснабжения ряда бюджетных структур закреплён в шести законах и правительственных постановлениях, которые пока никто не отменял.

Пытаясь привлечь иностранных инвесторов к реструктуризации РАО "ЕЭС", руководство компании втягивает их в эпицентр войны за передел энергетической собственности между регионами и федеральным центром. Война будет затяжной, и успех РАО "ЕЭС" в ней пока не очевиден. Концерн рассчитывает на ряд козырей, надеясь, что в их силу поверит и зарубежный капитал.

Начало наступления на региональные АО-энерго совпало по времени с новой политикой к субъектам РФ со стороны Центра, который открыто дает понять: прежние самостоятельность и вольница регионов будут ограничиваться. Успешная реализация планов РАО "ЕЭС" позволит оказать давление на любую республику, край или область, если они проявят неуступчивость.

Другой козырь – финансово-экономический: гигантская задолженность провинциальных энергосистем, которые как дочери входят в РАО "ЕЭС". Руководство концерна отвечает по их долгам (самый крупный – перед "Газпромом") и мечтает сбросить, предварительно расчленив, наиболее убыточные структуры, оставив себе самые прибыльные, убрать несогласных менеджеров, заменив их на своих людей.

Намеченное расчленение региональных компаний на три части (станции, распределительные сети, ремонт), выведение из них магистральных линий и лучших предприятий с созданием на их основе 100-процентных дочерей "ГЭС-генерация", "ТЭС-генерация", "Сетевая компания", полностью демонтирует созданную субъектами РФ энергетическую структуру. В их распоряжении останется старье, убыточные угольные, мазутные, торфяные, газовые ТЭЦ, которые дают половину энергии в России, районные и городские сети, а самое главное – долги, по которым ТЭС и компаниям, отделенным от РАО "ЕЭС", придется отвечать самостоятельно.

При одобрении программы реструктуризации опробовать ее намечено на десяти региональных энергосистемах – “Хакасэнерго”, “Кузбасэнерго”, “Оренбургэнерго”, “Омскэнерго”, “Самараэнерго”, “Свердловскэнерго”, “Калмэнерго”, “Чувашиэнерго”, “Карелэнерго”, “Янтарь-энерго”. Иностранным и российским инвесторам будут предложены различные по объему пакеты ценных бумаг данных компаний. Все это планируется в условиях, когда еще не внесены изменения в Гражданский кодекс, где прописаны договоры по энергоснабжению, в закон о тарифах; когда не урегулированы правила торговли на оптовом рынке электроэнергетики, нет Сетевого кодекса, регулирующего пользование технологической инфраструктурой. Придется менять и устав РАО “ЕЭС”, пункт 2.8 которого устанавливает: если государство владеет более 50% акций дочерних компаний, действия с их собственностью осуществляются в сроки, в порядке и на условиях, определяемых только правительством РФ, что, впрочем, не мешает руководству РАО оперировать активами как оно хочет.

Реформирование провинциальных АО-энерго наносит сильнейший удар по власти руководителей субъектов Федерации, которые теряют контроль над местными системами и потому представляют самую серьезную политическую и экономическую оппозицию председателю совета директоров РАО “ЕЭС”. Это проявилось в ходе выездных обсуждений концепции перестройки отрасли в Омске, Екатеринбурге, Самаре, Оренбурге. Главы местных администраций намерены сохранить пусть убыточные, но собственные станции, дающие доходы в региональные бюджеты, хозяйственную власть. Будет сделано все, чтобы не допустить на свою территорию электроэнергетику из соседних регионов, даже если компании с иностранным участием предложат ее по более дешевым расценкам. Да и технические возможности провинциальных энергосистем не позволяют предприятиям и другим потребителям легко менять поставщиков электричества и тепла.

Совет директоров РАО “ЕЭС” рассчитывает на поддержку менеджеров компаний в энергодефицитных субъектах РФ, которых местные власти лишили средств, передав их из АО-энерго в местные муниципалитеты, как случилось в Приморье с “Дальэнерго”. По итогам 1999 г. его убытки достигли 1,5 млрд руб., т. к. потребители не платят сколько должны. В итоге сама компания не может рассчитаться по своим обязательствам перед персоналом, поставщиками, кредиторами, бюджетом. Но что она выиграет, когда ее финансовые потоки переориентирует на себя РАО “ЕЭС”?

В качестве защитных мер от реформаторов местные парламенты принимают законы, дающие региональным правительствам право управлять пакетами, принадлежащими субъектам РФ по договорам с федеральным Центром о разграничении полномочий и предметов веде-

ния. Так поступили, например, в Иркутской области, администрация которой владеет 40% акций "Иркутскэнерго". Действенным оружием остается арест имущества компаний за долги в территориальную казну.

СИТУАЦИЯ НА ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ

На назревающий энергетический кризис накладываются симптомы новых финансово-экономических трудностей. В российской экономике формируется мощный инфляционный потенциал. В середине июля денежная база (наличные плюс резервы банков в ЦБ) достигла 409,4 млрд руб., общая монетарная масса (агрегат М-2) превысила 830 млрд руб. против 704,7 млрд руб. в январе. Неглинная по-прежнему вынуждена увеличивать эмиссию для покупки валютной выручки экспортеров (истратив на это за полгода свыше 230 млрд руб.), чтобы пополнять свои резервы (21,8 млрд долл. в первой декаде июля, рост на 68% с начала года), необходимых для обслуживания внешнего долга, валютных интервенций, сдерживающих рост курса доллара.

К сожалению, СКВ остается единственным подкреплением рубля. Отсталая, монополизированная экономика не может наполнить его необходимой массой высококачественных товаров и услуг, переварить денежное предложение со стороны Центробанка. Остатки средств на корсчетах банков в ЦБ составляют 82 млрд руб., остатки средств бюджетов – свыше 100 млрд руб., депозиты в ЦБ – 100 млрд руб., депонированные остатки в торговых сетях – более 10 млрд руб., корсчета в других кредитных организациях – около 10 млрд руб. Итого свыше 300 млрд руб. выведены из активного хозяйственного оборота, осев без движения в банковской системе. Правительство не знает, что с ними делать. Избыточная ликвидность не превращается в капиталовложения. Российская промышленность, где простаивает свыше половины мощностей, не осваивает рубли и инвестиции. Чтобы они были востребованы, производству нужен большой спрос на его продукцию со стороны населения и правительства. Но предпосылки для этого не сформировались.

Осуществленная приватизация производства и природной ренты, которая в три раза уменьшила доходы государства и 85% населения (сегодня оно получает всего 20% ВВП против 55-65% ВВП на Западе), но позволила собственникам присваивать свыше половины валового внутреннего продукта (против 15-20% ВВП в западных странах).

Предприятия, работавшие на госзаказ и массового покупателя, потеряли две трети внутреннего рынка и были вынуждены законсервировать свои мощности. Увеличили реализацию и развиваются лишь экспортные производства благодаря благоприятной мировой конъюнктуре и бизнес, ориентированный на обслуживание "новых русских" (элитные жилье, импорт и офисное строительство, драгоценности, охрана). Унич-

тожение реформаторами внутреннего рынка обернулось двукратным экономическим спадом.

В результате реформ была создана хозяйственная система, которую нельзя назвать рыночной. Особенно ярко это видно по ее рефлексам. В рыночной экономике приватизация приводит к росту капиталовложений, в нашей – к их падению. В рыночных странах отраслью с максимальной эффективностью является промышленность, прежде всего хай-тек, в нашей – финансы. В рыночной системе при снижении инфляции увеличиваются инвестиции, у нас они сокращаются. Там при неисполнении предприятиями своих обязательств немедленно наступает банкротство, здесь производитель продолжает работать как ни в чем ни бывало. В рыночных условиях снижение госрасходов стимулирует оживление экономики, в России наступает полный коллапс. В ведущих западных державах государство и предприниматели неукоснительно выполняют обязательства по выплате заработной платы, в РФ они могут месяцами и годами безнаказанно не платить работникам.

В подобных условиях бесполезны попытки Центробанка поощрять спрос на деньги со стороны реального сектора. В июле ставка рефинансирования была снижена с 33% до 28% (в четвертый раз за год), стоимость однодневных расчетных кредитов – с 30% до 25%. Это не вызвало спрос на ссуды. Большинство предприятий имеют низкую, нулевую либо отрицательную рентабельность и способны продавать свои изделия только с помощью бартера.

Налицо денежный навес, который при неустойчивом промышленном росте усиливает инфляционные ожидания, что видно по ускорившемуся в июне росту цен (2,6% против 1,8% в мае, или около 35% в годовом исчислении). В двадцати трех регионах потребительские цены подскочили более чем на 3%. Например, в Калмыкии, в Смоленской и Ульяновской областях на 5,6-5,8%, в Татарстане – на 6,4%. Главным ускорителем инфляции выступают монополии – РАО «ЕЭС», «Газпром», МПС, нефтяные и металлургические компании, постоянно повышающие свои цены.

О том, что темпы инфляции нарастают и они значительно выше признаваемых официально, косвенно свидетельствует подписанный в июле указ президента о повышении с 1 августа пенсий на 20%. Источником надбавки служит именно эмиссионный доход государства. Переизбыток рублей, не находящих себе применения, привел к резкому оттоку капитала, который, долларизируясь, бежит из страны примерно по двум десяткам каналов. В первом квартале за границу утекло около 9 млрд долл., или 18% ВВП (против 10% ВВП за весь 1999 г.).

Проблема лишней ликвидности стала одной из главных тем, затронутых делегацией МВФ в ходе визита 12-19 июля и представителями Всемирного банка, прибывшими в Москву 17 июля. В преддверии встре-

чи “восьмерки” на Окинаве 21-23 июля, где обсуждался краткий доклад Фонда об экономической ситуации в России, Минфину и Центробанку удалось убедить эмиссаров МВФ в том, что положение под контролем и оба ведомства действуют в полном согласии.

На самом деле все обстоит иначе. На Неглинной, с одной стороны, на Ильинке и Краснопресненской набережной, с другой, придерживаются совершенно различных взглядов. ЦБ стремится, пусть искусственно, укрепить рубль, подперев его хотя бы валютной подушкой. Минфин и Белый дом настаивают на девальвации рубля, уступая возрастающему давлению со стороны экспортеров, которые не хотят принудительно продавать свой самый ценный товар – валюту – по ценам, административно устанавливаемым ЦБ. Недовольны и импортозамещающие производства. Ревальвация российского дензнака увеличивает приток импорта и снижает их доходы. Особенно сильна конкуренция из зоны евро, курс которого к рублю снижается быстрее (на 13-14% в январе-апреле), чем котировки доллара (на 3-4%). Напомню: на страны ЭВС приходится две трети нашего импорта из дальнего зарубежья.

Нет единства между ЦБ и Минфином и о способах стерилизации избыточной денежной массы. Центробанк считает, что повышение норм обязательного резервирования и ставок по депозитам уже неэффективны. Он предлагает Ильинке воспользоваться бюджетным профицитом, ростом фискальных сборов и погасить долг перед Центробанком, достигший астрономической суммы – 424 млрд руб., тем самым выведя их из обращения. Минфин демонстративно не спешит с этим. С начала года ЦБ возвращено всего 40 млрд руб.

На Ильинке проблему избыточной ликвидности предлагают решать иначе. В частности, сокращать бюджетные расходы и неденежные формы расчетов, ввести обязательные денежные формы расчета бюджетных обязательств перед ТЭКом, повысить депозитные ставки в ЦБ, экспортные пошлины, расширить внутренние заимствования, развивать рынок капиталов. Чтобы реальный сектор больше абсорбирoval рубли, планируются другие стимулы. Например, упростить процедуру регистрации бизнеса, укрепить имущественную ответственность за предоставленный кредит, развивать банковскую систему.

Для реализации предлагаемых Минфином мер потребуются годы и десятилетия, а некоторые вообще плохо продуманы. Скажем, наращивание заимствований на внутреннем рынке выглядит странным при бюджетном профиците, взятые деньги в долг деньги придется возвращать с процентами. Другими словами, платить кредиторам за стерилизацию рублевых излишков. Повышение пошлин бьет по интересам главных хозяев страны – энергосырьевиков.

Велика опасность того, что вместо восстановления доходов массового потребителя и внутреннего рынка будет происходить дальнейшее

перераспределение ВВП в пользу новой буржуазии. Именно на это направлены линейная (не прогрессивная) шкала налогообложения, новая приватизация, очередное повышение акцизов, цен в жилищном строительстве, здравоохранении, образовании, ТЭКе, на транспорте. Социальные выплаты, как и прежде, будут обесцениваться, если сохранится инфляция. А в случае, если еще больше сократятся доходы массового потребителя, его платежеспособный спрос, то сузится, соответственно, внутренний рынок и уменьшится объем производства.

Нужны самые энергичные усилия для создания рыночной экономики, где доходы потребителей так сбалансированы с производством, чтобы не возникало стагфляции. Где природная рента не принадлежит и не контролируется кучкой нуворишей. Где собственник получает такие доходы, которые позволяют уравновесить суммарные сбережения в стране и инвестиционным спросом, не подталкивая капитал к бегству за границу, быстро и полностью обновлять основные фонды (в 1999 г. выбыло 11% производственных мощностей крупных и средних предприятий, причем 5% – по причине полного физического износа против 6-7% в среднем за десятилетие). Где государство сохраняет и развивает внутренний рынок товаров и услуг. Это дает возможность собирать столько налогов, сколько необходимо для оплаты социальных и оборонных расходов, не создавая бюджетного дефицита, обеспечить реальное, а не искусственное укрепление рубля независимо от поведения мировых цен на сырье и энергоносители.

России нужен такой рубль, который стимулирует экспорт, не угнетает импорт, служит идеальным средством платежа, накопления, кредитования и инвестирования, является полновесной конвертируемой валютой в международных расчетах. Ни одному из этих требований российский дензнак не соответствует и в ближайшие десятилетия соответствовать не будет.

Обесценившись за годы постсоветских реформ в 42 тысячи раз, рубль так и не стал полноценным денежным инструментом, товаром всех товаров, мерилom их стоимости, производственных затрат. Как и во времена СССР, он остается чисто условной единицей, которая в действительности ничего не оценивает и не измеряет. После 1917 г. почти на целое столетие из сферы обращения рубля выведены 4/5 активов (земля, недвижимость, водные ресурсы, леса, полезные ископаемые, основные фонды и многое другое), которые до революции реально наполняли и укрепляли российскую валюту вместе с производимой массой товаров и услуг. В результате в постсоветской России по-прежнему не работает закон стоимости, механизм определения издержек, реального ценообразования – от выпускаемых изделий до ценных бумаг. Например, утрачено понимание тесной взаимосвязи между аграрной реформой и денежным обращением. Земля намеренно не включается в контролируемый госу-

дарством оборот, чтобы можно было и дальше безвозмездно присваивать себе ренту всех видов и не тратиться на защиту плодородия, окружающей среды, воспроизводство минерально-сырьевой базы, природных богатств.

Некомпетентность российских правительств наиболее ярко проявилась именно в денежно-кредитной и валютной сферах. В стране одновременно действуют целых пять платежных систем: официальная рублевая, бартерная, денежных суррогатов, дебиторская и долларовая. Искусственно ограничивалась рублевая масса, чтобы, как утверждалось, за нее возникла острая конкуренция среди товаропроизводителей. Сверхмонополизированность российской экономики при этом демонстративно игнорировалась. Немедленным ответом было свертывание выпуска продукции, рост цен и широкое распространение бартера. К середине 2000 г. на долю этой докапиталистической формы расчетов приходилось 45-50%, а в отдельных подотраслях – свыше 90%. Налицо засилье денежных суррогатов, в качестве которых используется около двух десятков финансовых инструментов, включая векселя и другие ценные бумаги. Объем денежных эрзацев не менее чем в полтора раза превышает годовой ВВП. Они помогают уклониться от налогов, экономить ликвидную наличность и валюту, возмещать недостаток оборотных средств.

Дополнительной квазиденежной эмиссией хозяйствующих субъектов является дебиторская задолженность, существующая в виде записей на балансовых счетах. Под них совершается множество теневых сделок и расчетов. А ведь денежные заменители влияют на темпы инфляции, обесценивают активы, разрушают финансовую, банковскую, торговую и промышленную системы России.

УЩЕРБ ОТ ДОЛЛАРИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Но самый сокрушительный удар по российскому рублю нанесла долларизация. Ей способствовали полная отмена госмонополии на внешнеэкономическую деятельность, введение летом 1992 г. внутренней конвертируемости рубля вскоре после присоединения к МВФ. Незамедлительно за границу в гигантских масштабах хлынули российские энергоносители, сырье, металлы, капиталы. За десять лет было вывезено не менее трех годовых ВВП. Экспорт (легальный и нелегальный) стимулировался выгодным валютным курсом, который в 10-12 раз превышал уровень внутренних цен (паритет покупательной способности рубля), гиперинфляцией, позволявшей сырьевикам оплачивать производственные издержки обесценивавшимися рублями.

Закупаемый за доллары импорт, буквально затопивший страну, добил отечественную промышленность и сельское хозяйство. Свыше половины (а в крупных городах 80-90%) продовольствия закупалось за гра-

ницей. Стоит напомнить: после второй мировой войны Германия шла к конвертируемости национальной валюты 17 лет, Япония – приблизительно 20, пока не были проведены структурные реформы экономики и она не стала производить достаточную массу конкурентоспособных товаров и услуг.

Очень скоро рубль был практически вытеснен долларом. Монетарные ограничения сделали недостижимыми рублевые кредиты и инвестиции (они стали слишком дорогими), которые помогли бы провести конверсию, модернизировать промышленность с помощью наукоемких, высокотехнологических производств. Это совершенно не устраивало западных кредиторов. Зато дешевыми и легкодоступными оказались долларовые ссуды сырьевым отраслям, а также правительству и регионам. Создавался долговой тип экономики, переориентировались на ее обслуживание все денежные потоки и золотовалютные резервы государства. В результате общий объем внешней задолженности вместе с процентами достиг 230 млрд долл., что в восемь с лишним раз превышает рублевую массу, более чем в двенадцать раз – золотовалютные запасы ЦБ, в сто пятнадцать раз – дефицит бюджета-2000 (с учетом погашения внешнего долга).

Сегодня из примерно 460 млрд долл., выпущенных в США в наличной форме, около 120 млрд обращается в нашей стране. По стоимости они почти в пять раз превышают весь рублевый объем и фактически превратились в основную национальную валюту России. “Бакс” преобладает в расчетах на целых сегментах внутреннего рынка, в сбережениях населения. На доллары приходится 80% российских внешнеторговых контрактов, 90% банковских депозитов в СКВ, 65% валютных резервов ЦБ, 67% долгов развивающихся государств. Доминирование американской валюты в российской экономике означает беспроцентное кредитование Соединенных Штатов без какой-либо компенсации.

Все многообразные факторы курсообразования на международных рынках передаются на российский через заокеанский “бакс”. Остальные валюты выступают как производные от него в данном процессе. Их рублевые эквиваленты устанавливаются через систему кросс-курсов на основе рыночных котировок доллара. Для всех хозяйствующих субъектов курс рубля и доллара служит синтезированным показателем реальной ценности нашего дензнака, базой для установления цен на товары и услуги.

Задача осложняется тем, что простое увеличение денежного предложения ничего не даст для повышения монетизации ВВП (т. е. обеспечения его рублевой массой). Экономика давно перешла на другие деньги и обходится без рублей. Во время войны в Югославии, например, объем эмитированных динаров в несколько раз превосходил ВВП этой страны, а монетизация составляла всего 3%, т. к., получив деньги, югославы тут же обменивали их на СКВ.

Реально рубль обслуживает не более 10% российской экономики, имеет тысячи курсов в зависимости от региона, отрасли, сферы обращения и конкретного владельца (что отчасти можно видеть по котировкам векселей). Официальные же курсы Неглинная вынуждена устанавливать на основе внешнеэкономических операций с нефтью, газом, металлами, лесом, целлюлозой, которые приносят почти все валютные поступления в страну. Энерго-сырьевой капитал, ставший одним из основных выгодополучателей постсоветских реформ, готов пойти на все, чтобы рубль постоянно обесценивался.

В интересах именно энерго-сырьевиков в мае 1992 г. вводилась внутренняя конвертируемость нашего дензнака. Они же настояли в 1998 г. на четырехкратной девальвации рубля и введении моратория по выплате внешних долгов, поскольку только напрямую заняли на Западе 40-50 млрд долл. под залог будущих поставок. Другими каналами их заимствований были банки и правительства, которые они формировали все постсоветские годы, включая самое последнее.

РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ УСПЕХИ

В первом полугодии, как утверждает Госкомстат РФ, российский ВВП вырос на 7,3% по сравнению с аналогичным периодом 1999 г., промышленное производство – на 10%. Доходы казны достигли 504 млрд руб., расходы – 455 млрд руб. Профицит составил 1,7% ВВП, хотя в проекте бюджета-2000 планировался дефицит 1% ВВП. Эти достижения, которые активно цитировались в июле на встрече “восьмерки” в Японии, преисполняют руководителей правительства гордостью, уверенностью, что положительное сальдо получится и по итогам года.

На самом деле экономический рост в 2000 г. вызван факторами, которые его же подрывают, создавая опасное перенапряжение в ключевых сферах национальной хозяйственной системы. Начать с того, что в первой половине 1999 г. страна еще не оправилась от августовского коллапса 1998 г. и ВВП был не столь велик. В январе-июне 2000 г. сохранялись высокие мировые цены на отечественное сырье. Это принесло дополнительные поступления в казну, но заслуги кабинета в том нет никакой.

Увеличение доходов государства привело к тому, что через бюджет перераспределяется до 18% ВВП (против 10-12% ВВП в 1998 г.). Достигнуто это не только за счет увеличения налогообложения монополий, включая экспортные (которым также не возмещается НДС в полном объеме), потребительского спроса через акцизы, но и с помощью перераспределения фискальных отчислений из регионов в Центр. Раньше первые получали свыше половины доходов. С первого квартала 2000 г. картина поменялась на противоположную: 40% на 60%, поскольку еще в

1999 г. федеральный бюджет начал получать не 75%, а 85% налога на добавленную стоимость.

Девальвация и хорошая международная конъюнктура стимулируют экспорт, обогащая энергосырьевые компании, госказну, а также увеличивают золотовалютные резервы ЦБ (23 млрд долл. в августе). Но рост чистого экспорта выкачивает невосполнимые первичные ресурсы из России, что вызывает их хронический дефицит на внутреннем рынке. Нехватка топлива, сырья, материалов подталкивает вверх внутренние цены, которые устанавливаются монополиями путем умножения мировых цен на курс доллара к рублю, остающийся искусственно завышенным.

Недостаток ресурсов и энергии, их дороговизна снижают рентабельность и разоряют производство, работающее на российских потребителей, делают невозможным его развитие. Одновременно полегчавший рубль, плюс рост акцизов на товары массового спроса, транспортных и коммунальных тарифов уменьшают реальную зарплату (на 30-60% с начала года в зависимости от отрасли), так и не поднявшуюся до предкризисного уровня 1998 г. На 1 июня просроченные долги по зарплате со стороны государства достигли 6,4 млрд руб., со стороны предприятий и организаций – 32,3 млрд руб. Число безработных составляет около 10 млн чел. За чертой бедности оказалось 60 млн чел., или 41,4% российского населения. Тем самым убивается потребительский платежеспособный спрос и, соответственно, внутренний рынок, создаются предпосылки для еще более глубокого спада производства в ближайшем будущем.

Дополнительная прибыль, которую бизнес получает от падения реальной зарплаты своих работников, не направляется на инвестиции, модернизацию, а используется в операциях вне реального сектора. Девальвация рубля сделала бессмысленными капвложения в основной капитал. В первом квартале прямые инвестиции снизились до 150 млрд руб. против 254 млрд руб. в четвертом квартале 1999 г., или на 54%. В четыре раза сократилось жилищное строительство, причем вложения в активную часть капитала – на 46%. Уменьшение инвестиционного спроса со стороны экономики закрывает один из важнейших каналов стерилизации избыточной рублевой массы. За первое полугодие денежное предложение (агрегат M2) увеличилось на 26,6%, что вдвое больше роста промышленного производства в текущих ценах.

ЭКСПОРТНЫЙ ДРЕНАЖ

Обесценившийся рубль сократил импорт на 40%, дав импортозамещению шанс занять освободившуюся нишу. Ее заполнили низкокачественные товары, причем по ценам зарубежных компаний (химическая, металлургическая, лесная, целлюлозно-бумажная и другие отрасли), что ограничило дальнейшее развитие импортозамещающих производств.

Сократившийся ввоз инвестиционных товаров (машин, оборудования) равноценно восполнить оказалось нечем, поэтому выпускается продукция, неконкурентоспособная на мировом рынке. Для переоснащения предприятий необходимы капиталовложения не менее 15% ВВП в год. Их мобилизацией никто не занимается.

К концу 2000 г., как прогнозируется, экспорт превысит импорт на 50-55 млрд долл., что выведет Россию на третье место в мире (после Японии и Китая) по данному показателю. Достижение малорадостное для российской экономики. Добавленная стоимость, которую получают экспортные отрасли, не распределяется в другие. Доллары, получаемые в обмен на ресурсы и услуги, не являются капиталом (т. е. средствами производства), а остаются просто валлотой. Часть ее немедленно уводится за рубеж либо изначально остается там, не поступая в Россию. Другая пополняет резервы Центрального и коммерческих банков, предприятий и граждан. Основная же доля (4/5) служит главным денежным инструментом (наряду с бартером, суррогатами, дебиторской задолженностью), вытесняя рубль из обращения, укрепляет теневую экономику, помогая ей уклоняться от налогов и подрывая тем самым казну.

Объем чистого экспорта намного превышает масштабы валового накопления. Финансовые вложения в основной капитал далеко отстают от темпов износа и выбытия производственных фондов, месторождений, энергогенерирующих мощностей, транспортной инфраструктуры. Чем активней наращивается вывоз ресурсов, тем интенсивней сокращаются источники накопления производственного капитала и инвестиций. В отдельные месяцы все ресурсы экспортируются подчистую, жертвуя расширением производства. Особенно, когда мировые цены снижаются, как произошло в июле, когда российская нефть марки Юралс подешевела до 22 долл./барр. против 30 долл./барр. в январе.

В таких случаях энергосырьевые компании автоматически сворачивают поставки на внутренний рынок (как и случилось летом) и повышают цены. Немедленно включается разрушительная цепная реакция: поднимают цены металлурги, химия, машиностроение, транспорт, затем – с лагом – легкая и пищевая промышленность. Удорожание их продукции снижает спрос, что приводит к сокращению производства в обрабатывающих отраслях и АПК. Топливо, металлы, химикаты, лес, целлюлоза и другие ресурсы, которые из-за высоких цен не могут быть потреблены, тут же уходят на экспорт. Порочный круг замыкается со всеми негативными последствиями для экономики, описанными выше.

Угнетающе на производство действует высокая ставка по кредитам (свыше 13% в СКВ), возобновившийся рост просроченной задолженности (около 45%) в общей сумме задолженности в целом по экономике, невыплаченные долги федерального бюджета, превысившие 100 млрд руб. и, конечно, отсутствие потребительского спроса. Рост экспорта на

1% в год увеличивает ВВП примерно на 0,3%. Нарращивание же доходов массового потребления в ВВП на 1% дает прибавку 0,94% валового внутреннего продукта. Этой проблемой правительство не занимается.

ГРУЗ НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМ

В экономике сложились ценовые пропорции, которые возникли накануне августовского краха, когда сформировался мощный потенциал инфляции издержек. С июля 1998 г. по май 2000 г. цены производителей промышленной продукции выросли в 2,3 раза, цены на топливо и энергию – в 2,3 раза, опередив повышение цен на потребительские товары (рост в 2,2 раза). Такая ценовая структура закрывает дорогу экономическому оживлению и уже привела в первом квартале к снижению выпуска продукции во всех отраслях, за исключением промышленности строительных материалов. Самым глубоким было падение в электроэнергетике, легкой, пищевой, лесной, деревообрабатывающей индустрии.

Все первое полугодие Неглинная откачивала лишние рубли из обращения, привлекая их на депозиты в ЦБ. 20 июля их сумма превысила 100 млрд руб., что говорит о явном исчерпании возможностей этого способа стерилизации избыточной ликвидности. Весь прирост денежной базы выплеснулся в расширение наличных средств. 1 июля их объем вырос до 340,8 млрд руб., увеличившись за шесть месяцев на 18%. При таких темпах денежного предложения скачок инфляции неизбежен. В июле она составила 2,4%, в августе, по оценкам, 2,5%.

К каким бы ухищрениям ни прибегал ЦБ для стабилизации валютного курса, резкое падение рубля неизбежно, поскольку рост цен вызывают причины немонетарного характера. Реальный сектор и экономика в целом держатся лишь на внешнем, а не внутреннем спросе и не слушаются рычагов управления со стороны правительства и Центробанка. Весь вопрос только в одном: как глубоко просядет “деревянный”.

Тяжелым грузом на экономике лежит огромная внешняя задолженность. Арест в июле парусника “Седов” во французском порту Брест продемонстрировал, как юридически и технически может решаться проблема невыплачиваемых долгов России, в том числе Парижскому клубу, переговоры с которым планируются на осень. Наша страна задолжала этой организации 42 млрд долл. По достигнутой ранее договоренности, в 2000 г. платить не нужно, но в 2001 г. придется выложить примерно 4 млрд долл.

Договориться с Парижским клубом о реструктуризации и, возможно, о списании советской части задолженности – вопрос жизни или смерти для правительства. Все его экономические успехи основаны только на отказе платить по внешним обязательствам, которые вместе с процентами превысили 230 млрд долл., больше, чем годовой ВВП. Лондонский

клуб заставили прогнуться шантажом: либо соглашаетесь на отсрочку выплат, либо банкротьте Внешэкономбанк, формально выступавший заемщиком для Кремля. Позднее в результате переговоров платежи были перенесены на более поздний срок, переоформлены на государство и начато их списание с баланса ВЭБа, которое закончится в августе.

С Парижским клубом подобный трюк не пройдет. Ответчиком по долгу изначально выступает само правительство. Именно его будут банкротить (объявлять суверенный дефолт), арестовывать имущество и активы по технологии, опробованной на барке “Седов”. В целом погашение долгов государствам, входящим в данную организацию, распределено относительно равномерно (ежегодно должно выплачиваться по 1,5-2 млрд долл. основной задолженности и по 2-2,5 млрд долл. проценты по ней). Иное дело обязательства перед другими кредиторами. Один из пиков платежей приходится на 2003 г., когда потребуется выложить свыше 19 млрд долл. Другой пик ожидается в 2005 г. – 15 млрд долл. Для президента В. Путина проблема внешнего долга становится особенно драматической (и ему дадут почувствовать это очень скоро) в условиях крайне неустойчивой мировой конъюнктуры для российского экспорта, множества мин замедленного действия, оставленных после себя Б. Ельциным в экономике, социальной сфере, государственном устройстве.

ЛИХОРАДОЧНЫЕ ПОИСКИ РЕШЕНИЙ

На Кремлевской и Краснопресненской набережных пытаются найти решение. В конце июля М. Касьянов попробовал воззвать к жалости кредиторов. Если Россия будет обслуживать долг в полном объеме, заявил премьер, на это потребуются 30-40% всего бюджета, что прямо угрожает экономическим реформам в нашей стране. Нужно, подчеркнул глава кабинета, рассматривать долг Парижскому клубу, опираясь не на цифры бюджетных поступлений, а исходя из того, что Россия платит за политические грехи прежнего руководства СССР.

Прием “отсрочка (списание) задолженности или конец реформам”, безотказно действовавший при Б. Ельцине, на сей раз не сработал. Члены Парижского клуба руководствуются другими соображениями. Для них М. Касьянов – глава правительства страны, считающей себя великой державой, а не развивающимся государством, выклянчивающим прощения долгов по причине нищеты и кризиса. Россия в первом полугодии получила большое положительное сальдо внешней торговли (около 25 млрд долл.). ВВП, как отмечалось выше, увеличился на 7,3%, промышленное производство – на 10%, профицит бюджета составил 1,7% ВВП. По итогам года, по прогнозам, внешнеторговое сальдо достигнет 50-55 млрд долл., сальдо счета текущих операций – 45 млрд долл. Это да-

ло основание агентству “Стандад энд Пурс” в августе повысить международный рейтинг России как заемщика.

Почему, спрашивают в Парижском клубе, в этой ситуации у России нет денег для погашения внешней задолженности, но находится для ведения войны в Чечне и увеличения военных расходов, для вывоза капитала за границу, масштабы которого (ежегодно от 10% до 20% ВВП) значительно превышают объем платежей по долгу. Разве РФ сама не настояла на том, чтобы стать единственным преемником долгов СССР, не пожелав разделить их среди 15 бывших союзных республик. Все эти вопросы открыто ставятся в США и других странах-участницах Парижского клуба. Стремление добиться списания 12-14 млрд долл. при утечке более 20 млрд долл. в 2000 г. (оценка) выглядит как желание российского правительства переложить свои внутренние трудности на внешних кредиторов.

КРЕДИТОРЫ НАВЯЗЫВАЮТ УСЛОВИЯ

Не факт, что другие члены клуба последуют примеру Германии. 26 июля она, исходя из собственных политических целей, подписала собственное двустороннее соглашение с российским Минфином о реструктуризации нашей задолженности Берлину (всего 19 млрд долл. из 42 млрд долл. долгов Парижскому клубу). Было решено отложить возврат 4 млрд долл. на шестнадцать и частично на двадцать лет. Участники данной организации больше ориентируются на позицию Международного валютного фонда и Всемирного банка. В июле миссия МВФ покинула Москву ни с чем, не увидев прогресса в реформах. Аналогичный вывод сделал в августе директор ВБ по России Майкл Картер, который комментировал итоги работы своих коллег, изучавших в течение десяти дней в России общую ситуацию и экономическую программу правительства. Ее одобрение со стороны ВБ и МВФ зависит от реализации налоговой реформы и реструктуризации “Газпрома”, РАО “ЕЭС”, МПС, телекоммуникаций. Следующий зондаж намечен на сентябрь, и его итоги, безусловно, повлияют на ход переговоров с Парижским клубом.

Очередной их раунд Кремль должен использовать не только для того, чтобы выслушивать, но и самому задавать неприятные вопросы западным странам. Например, о том, что, как член Парижского клуба, Россия не получила никакой компенсации, когда списывались 80% задолженности государств третьего мира, бравших в свое время в долг и у нашей страны. В качестве контрпретензии можно напомнить о 100 млрд “золота Романовых” и 300 млрд долл. царской недвижимости за границей или о “ленинском золоте” (94,5 т), отправленном в 1918 г. в “Банк де Франс” на временное хранение. Ведь не постеснялись с подобными претензиями через Совет Европы выступить румыны по поводу своего зо-

лота (38 млрд долл.), которое в 1916 г. было вывезено в Россию из-за угрозы германской оккупации этой балканской страны.

“Война компроматов” приоткрыла немало интересного об аппаратных королях и капусте. В частности, о том, каким высокодоходным оказался бизнес на, по сути, приватизированных государственных долгах (наших и нам), обогативший не один чиновничий карман, не одного олигарха. Саму же российскую задолженность реструктурировали так, что ее объем не уменьшился, а увеличился еще больше, как отметил в своем послании стране президент В. Путин.

Сегодня у Кремля нет механизмов, позволяющих вести поиск и возвращать украденные деньги, вывезенные капиталы, непогашенные долги, обслуживать внешнюю задолженность и формировать ее оптимальную структуру по срочности, суммам и адресам платежей. Отсутствуют внятные стратегия и тактика заимствований. Сама работа с ними расплывлена между несколькими ведомствами. Каждое лоббирует собственные схемы. Одни предлагают быстрое поступление денег, но крупные потери для казны. Другие добиваются товарных и иных компенсаций. Третьи навязывают компромиссный подход ради решения внешнеполитических задач.

Раздробленность усилий не позволяет эффективно использовать большой мировой опыт реструктуризации и погашения долгов. Он включает умелое управление зарубежными финансовыми и другими активами, различные конверсионные операции (“долг на долг”, “долг на акции”, “долг на экспорт”), досрочный выкуп обязательств и иные схемы, широко применяемые в международной практике. Главным препятствием остаются номенклатурно-клановые интересы и слабость нового президента, который пока не может их сломать.